

Алексей Чеслов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОБАКА

Алексей Чеслов

Собака

<https://litres.ru/74669378>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга является продолжением романа "Повелитель дольменов". В ней вы вновь встретитесь с психологом Максимовым и полковником Черниковым. У них новое, загадочное дело. В Ростове и Омске жестоким образом заколоты молодые люди. В богатом Краснодарском доме найден труп молодого бизнесмена, убитого похожим способом.. Все жертвы друзья. Черников, зовет на помощь друга. Войдя в дом, Максимов сразу понимает где искать убийцу. Это история мести. История девушки, чья психика была расщеплена детскими травмами, превращает ее в безжалостную мстительницу, в то время как сломленный собственным горем криминальный профайлер ведет охоту на неуловимого убийцу, не подозревая, что ищет свое собственное отражение.

Содержание

Сортавала. Август 2026-го года.	4
Июль 2026-го года. Максимов	11
Карелия. Ладога. Остров. Август 2026-го года.	30
Краснодарский край. Детский оздоровительный лагерь. Июнь 2015-го года.	39
Поезд «Санкт Петербург – Хелюля». Август 2026-го года.	55
Краснодар. Июль 2026-го года. Максимов.	70
Поезд «Санкт Петербург – Хелюля». Август 2026-го года.	83
Киселёвск. Октябрь 2001-го года.	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Алексей Чеслов

Собака

Сортавала. Август 2026-го года.

– Почему папа выбрал маму? – Тихо прошептала она и продолжила. – Я долго размышляла на эту тему и ответа так и не нашла. Мама была невысокая, аккуратная, ладная. Небольшая, вечно юношеская грудь, сияющие глаза, точеная фигурка. Папа – огромный, сутулый, угловатый, с крепкими добрыми руками и неуклюжими ногами-ходулями. Она была красивая, он заурядным. Обычная семья. Отец безумно меня любил, мать так же безумно ненавидела. Родила, как будто избавилась от смертельного заболевания: исторгла из себя, выскребла, как злокачественную опухоль. Соседская тетка Розалия, когда ее привезли из областного онкологического центра умирать домой, рассказывала мне, что мама тяжело ходила. Беременность ей давалась мучительно.

Я любила приходить к соседке и сидеть у кровати. Розалия пахла больницей, прокисшим молоком и гниющим мясом. Ее пальцы жили как будто отдельно от умирающего тела: целыми днями напролет она плела коврики из тряпья, распустив его на лоскуты, и рассказывала, вспоминая свою жизнь

и жизни близких, соседей и друзей. Она погружалась в воспоминания о детстве, потом засыпала на ходу. При этом ее шустрые пальцы не прекращали плетения. Немного подремав, она открывала глаза и продолжала рассказ, меняя тему. Ее губы тряслись, растягиваясь в тонкий горизонт, тут же болезненно отекая; они как будто сползали с ее лица, превращались в малюсенькую дырочку, из которой доносился хрип и свист. Это была музыка смерти.

Розалия рассказывала, что однажды, когда она была маленькой девочкой, ее бабка топила котят. Светило солнце. Кошка лежала на крыльце в углу, а бабка, поставив перед ней небольшую деревянную скамеечку, подкладывала под кошку морщинистую ладонь и ожидала. Когда на свет появлялся мокрый слепой котенок, она хватала его и бросала в ведро с водой, тут же прикрывая свой грех эмалированной крышкой с нарисованными на ней грибами. Грибы были красивыми: толстые белые ножки и оранжевые коренастые шляпки. Розалия стояла перед ведром и, сложив на груди ладошки, раскачивалась и, плача, умоляла бабушку: «Хотя бы этого, бабулечка, хотя бы этого давай оставим в живых». Но морщинистые руки вытаскивали и отправляли новорожденных котят под крышку с грибами. Тогда маленькая Розалия выхватила одного котенка и пустилась наутек. Она прижала мокрое существо к себе со всей силы и унеслась далеко в лес, а когда остановилась, поняла, что котенок умер. Она заплакала и сказала ему: «Ты просто смотрел туда, куда смотрят все сле-

тые – прямо сквозь всё. Сквозь меня, сквозь забор, сквозь небо. Мне папа говорил, что бог везде. В каждой букашке и в каждой дождинке. А мама говорила, что он в добром сердце. Я тогда заглянула под крышку ведра, куда тебя закинула бабушка. Там было пусто. Только вода и смерть. И никакого бога».

Закончив вспоминать детство, Розалия начинала качать головой:

«Странно. Вокруг полно невидимых смертей. Папа говорил, что мир усыпан трупами, просто мы их не замечаем, пока сами не столкнёмся. Вот и я не замечала. А теперь вижу. Вижу, как жизнь уходит из меня. Она не уходит куда-то. Она просто гаснет, как лампочка. И никто не придёт её чинить».

Потом она откладывала в сторону готовый коврик и бралась за новый.

«Раньше я думала, что смерть – это когда лежишь и смотришь в небо. А она, оказывается, бывает вот такая. Маленькая. Как будто ты живая, молодая. Бессмертная. Но в один миг в тебе ломается что-то. Вот и всё. И твое сильное дыхание теперь как шёпот. И ты уходишь туда, где темно и тихо. Я умру, деточка, и ты умрешь, и все, кого ты знаешь, тоже умрут. Только умирая, ты должна что-то оставить в своем сердце, то, что можно забрать навсегда с собой. Я бы никогда не хотела знать, что под самыми красивыми нарисованными грибами иногда прячется пустое ведро с мертвой водой. И бога там нет. Есть только мы. На минуточку. Пока ты ещё

здесь. И тащить с собой это я не хочу... но придется и это тащить».

Я никогда не прерывала ее, каждый раз слушая внимательно. Я входила в комнату, где она лежала, и Розалия встречала меня всегда одной и той же фразой. Она осторожно приподнималась на локтях и говорила:

«Каля-маля, вчера была, сегодня опять пришла».

Я не знала, что это значит, и не спрашивала. Я улыбалась, проходила к ней и, поцеловав в желтую от болезни восковую холодную щеку, усаживалась рядом прямо на плетеный прикроватный коврик. Я гладила ее ноги и слушала.

«Твоя мама ходила тяжело. Ее лицо было зеленого цвета, руки тряслись, а ноги подкашивались. Ее рвало по любому поводу, будь то случайно залетевший в наш двор запах свежей выпечки или одеколон, которым любил обливаться по утрам твой отец. Она тут же сгибалась пополам, как сломанная ветром тростина, и исторгала из себя желчь и кислоту. Однажды твоя мама забралась по пожарной лестнице до второго этажа и прыгнула вниз, в надежде, что ты выскочишь из нее, как дурная пуля. Но ты вцепилась в ее внутреннее мясо своими сильными ручками. Потом она подолгу лежала в горячей воде, пытаясь сварить тебя заживо. Пила воду с йодом и травилась уксусом. Она выдавливала тебя из себя, но ты вцепилась в ее нутро, не желая умирать».

Мать била себя в живот кулаками и высказывала отцу, что весьма сожалеет о своем замужестве и беременности. Что

все это подвело черту под ее прежней жизнью, которая была привлекательнее нынешней. Она жаловалась отцу, что могла идти куда желает и иметь любовные отношения с кем захочет. Она с легкостью знакомилась на дискотеке с каким-нибудь заезжим морячком и с такой же бессовестной легкостью проводила с ним ночь. Она тягостно вспоминала те сладостные денечки и считала, что замужеством ее не иначе как прокляли.

Розалия гладила меня по голове живыми руками. Встречая мою мать, она качала головой и внушала ей, что беременность – это не болезнь и не порча, а милость Аллаха. Мать яростно хохотала ей в лицо и вопрошала о том, мол, где Розалия видит своего Аллаха, если все вокруг заплыло дерьмом. «Люди, – говорила мать, – обнаглевшие свиньи. Колбаса в магазине из туалетной бумаги, картошка в овощном гнилая, а вода в кране вонючая». И где между всем этим Аллахом, она не видит.

Розалия жалела ее: если она не видит вокруг себя Бога, значит, она умалишённая. И в таком случае ей нужен Муршид – всезнающий и всеблагий учитель, наставляющий на путь истины.

Позже о важности Муршида в жизни каждого человека Розалия рассказывала и мне. Я не спорила, но она, будучи мудрой, хоть и умирающей женщиной, пыталась донести до меня простые истины. Она объясняла, что я должна простить свою маму и не сметь ее ненавидеть. Она поведала

ветхозаветную историю Иосифа и его братьев. Я до сих пор ее помню: Иосиф, проданный братьями в рабство, ставший правителем Египта, прощает их и видит в этом Божий промысел. В том был высший урок всепрощения и веры в то, что Бог может обратить зло во благо.

Я узнала про библейских царей Давида и Саула. Давид, преследуемый Саулом, отказывается убить его, когда имеет такую возможность. И здесь, повторяла Розалия, божественный промысел: уважение к помазаннику Божьему и отказ от мести, даже когда она кажется оправданной.

Ещё она рассказала про мученицу Елизавету Фёдоровну, жившую во времена Октябрьской революции. После убийства её мужа, великого князя Сергея Александровича, она посетила в тюрьме убийцу, простила его от имени супруга и оставила ему Евангелие. В этом – активное милосердие и прощение даже в ситуации личной трагедии, подражание Христу. Прощение – это божественное качество. Бог открывает Себя как Бог человеколюбивый и милосердый... многомилостивый и истинный.

Затем Розалия открывала лежащую возле ее кровати книгу. Я спрашивала, почему она читает Библию, если жила мусульманкой. Розалия болезненно улыбалась и отвечала, что всю жизнь собиралась прочесть эту книгу, но не находила времени. То рожала и растила детей, то заботилась о семье, то еще что-то. А вот теперь, когда ее тело почти сгнило для этого мира, времени у нее стало предостаточно. Приходил

мулла, и она попросила у него благословения на чтение Библии. Потом она гладила меня по голове и говорила, чтобы я больше не приходила, что сегодня ночью Аллах избавит ее от мучений и боли. Просила меня обязательно найти своего Муршида. Учитель нужен, чтобы не свернуть с пути и дать надежду, когда жить станет невыносимо. А невыносимо, считала она, становится рано или поздно каждому. И в такие трудные минуты без Муршида не выжить никак.

Затем она открыла книгу и прочитала на прощание дрожащим голосом вслух:

«Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас».

Я заплакала и, поднявшись с коврика, направилась к выходу. В дверях я обернулась и спросила о том, почему она именно об этом мне рассказала. На что Розалия ответила не задумываясь: «Вся жизнь человека – это грех и прощение».

«Грех и прощение», – повторила я и ушла. А ночью она умерла.

– Твоя мама когда-нибудь улыбалась? – Спросил Максимов и внимательно на нее посмотрел.

– Да, – ответила она, – когда вспоминала свое детство в Карелии.

Июль 2026-го года. Максимов

Если у следователя по особо важным делам не всё в порядке, значит, есть работа для психолога и криминального профайлера Максимова. Николай Анатольевич соскучился по настоящей работе. Не то чтобы он хотел воскрешения очередного мучительного призрака. Но унылые отчеты после бесед с насильниками, малолетними ворами и особо опасными рецидивистами, приговоренными к пожизненному заключению, надоели. Последние два года он занимался криминальной рутинной или принимал пациентов в частном порядке. Максимов не желал мирозданию зла, но нуждался в чём-то выдающемся.

Он отлично помнил, что тенистые аллеи подмосковных парков и тихие спальные районы таят в себе не только умиротворение, но и жуткие истории, которые леденят кровь даже спустя десятилетия.

Возможно, самым циничным и хладнокровным из всех был Фишер, он же Сергей Головкин. Этот зоотехник и примерный семьянин оказался садистом, охотящимся на мальчиков. Период его активности с 1986-го по 1992-й год стал настоящим кошмаром Подмосковья. Головкин заманивал подростков в свой гараж в поселке Удельная, где они подвергались нечеловеческим пыткам. Всего на его счету не ме-

нее 11-и замученных детей. Сергей Головкин стал последним человеком, расстрелянным по приговору суда в России. Это случилось в далеком 1996-м году. Николай тогда был стажером и на всю жизнь запомнил его взгляд: ни ярости, ни ненависти, лишь пустота и удивительное спокойствие... леденящая всепожирающая пустота.

Столь же масштабной, но совершенно иной была фигура Александра Пичушкина, уроженца подмосковных Мытищ. Продавец из супермаркета, известный как Битцевский маньяк или Убийца с шахматной доской, превратил лесопарк на юге Москвы в поле для убийств. С 2001-го по 2006-й год он совершил 49 доказанных преступлений. Пичушкин, подражавший своему кумиру Чикатило, нападал на бездомных, женщин и случайных посетителей парка. Он мечтал увеличить число жертв до 64-х, по числу клеток на шахматной доске, и считал себя богом, решающим человеческие судьбы. Максимов знал, что маньяк до сих пор жив и здоров – отбывает пожизненное в «Полярной сове», исправительной колонии № 18 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ямало-Ненецкому автономному округу. Учреждение особого режима для пожизненно осуждённых.

Контрастировал с ними по способу убийств Василий Хилецкий по прозвищу «Домодедовский потрошитель». Действовавший в 2006-2009-м годах в Домодедово и Подольске, он орудовал обычным топором. Его почерк был жесток и стремителен, а жертв он не щадил.

Еще вспомнился бывший актер Алексей Гаськов, чья бездарная карьера привела его на скамью подсудимых. По последним данным, он признался в более чем ста убийствах девушек и женщин, совершенных на протяжении многих лет. Выслеживая жертв в подмосковных парках, Гаськов насиловал и убивал их. Десятилетиями он скрывался от правосудия, пока не появились технологии ДНК-анализа.

Черников просто так никогда не звонил:

– Коля, сегодня ты должен быть в Краснодаре.

У Максимова на вечер была запланирована шабашка: душещипательная беседа с женой богатого бизнесмена на предмет выявления ее гештальтов. Поэтому он учтиво переспросил.

– Стас, насколько это серьезно?

Черников постарался ответить спокойно:

– Коля, у твоего офиса стоит служебная машина. Она прямо сейчас отвезет тебя на подмосковный военный аэродром. Там будет стоять такой серенький самолетик с надписью «Армия России». И прямо сейчас ты сядешь в него и прилетишь в Краснодар. Пока здесь на месте преступления ничего не убрали и работает опергруппа, я тебя искренне жду. Надеюсь, я все объяснил максимально доходчиво.

Уже через час Максимов сидел в неудобном жестком кресле военного самолета и готовился к взлету. В мессенджер полковник Черников прислал несколько фотографий и файл с документами. Прикрепил комментарий: «Пока ле-

тишь, ознакомься с делом и посмотри фото с места преступления. Это не Краснодар, а Омск. Все детали при личной встрече».

Николай Максимов был далеко не молодым человеком высокого роста, с густой аккуратной бородой и усами; темные волосы тронуты сединой. Две незначительные залысины на высоком лбу придавали ему вид умудренного и начитанного человека. Прямой крупный нос, волевой подбородок и честные темно-карие, почти черные глаза. От него всегда пахло дорогим парфюмом, элитным кофе и корицей, которую он любил добавлять в свой кофе. В его кабинете – репродукции Густава Климта, полумрак, удобная кушетка. Но это фасад. За ним скрывался человек, который каждое утро смотрел в зеркало и видел убийцу собственной дочери.

Двадцать два года назад после ночного загула он сел за руль. Пятнадцатилетняя дочь Лена села рядом – не пристегнулась. Он не справился с управлением. Она вылетела через лобовое стекло. Он отделался сотрясением и сломанной ключицей. Жена ушла. Лицензию отобрали. Суд дал четыре года условно. Но настоящий приговор он вынес себе сам.

Он звонит ей почти каждый день. Иногда – каждую ночь. «Да, папочка», – отвечает она. И он знает – ее на самом деле нет. Но слышит. Она смеется, когда он пытается шутить. Она укоряет, когда чувствует запах алкоголя в его дыхании. Она подсказывает – всегда подсказывает – ту самую

нить, за которую нужно потянуть. Она у него умница.

«Ты снова выпил, папочка», – говорит она равнодушно, и он ненавидит себя за то, что не может соврать мертвому ребенку.

«Ты меня обманываешь», – шепчет она, и он выливает виски в раковину, клянясь больше ни капли в рот не брать.

Она помогает ему ловить маньяков. Подсказывает параллели, которых он не замечает. Она его главный помощник. И его главное наказание.

Он не сумасшедший. Или сумасшедший, и это вопрос определения. Мозг Максимова перестроился после аварии: он действительно верит, что разговаривает с Леной. И эти разговоры работают. Он находит нюансы, которые не видят следователи. Он раскалывает психопатов, которые молчат годами.

Главный прибор в сложной работе – его собственная разбитая психика. Он погружается в чужое безумие, потому что свое уже изучил до дна. Максимов научился жить с чудовищем внутри. Каждое утро он просыпается и вспоминает то утро, запах булочек из кухни, босые ноги дочери на крашеном крыльце, ее смех, ее ситцевое платье, ее руку, тянущуюся к солнцу. А потом этот проклятый бетонный столб, стекло, тишина.

«Я помню наше с тобой утро», – говорит он Лене. И она отвечает: «Тогда не пей, папа».

Он не пьет. После последнего громкого дела, когда они

с Черниковым раскалывали Родиона Смураго, укрывающего детей под землей, он завязал. С тех пор прошло два мучительных года бездействия. Даже Лена стала звонить реже.

Кто он на самом деле, психолог Николай Анатольевич Максимов?

Он цитирует Хемингуэя: «Нет ничего лучше, чем охота на человека» – и сам пугается собственного цинизма. Он рассказывает Черникову о маньяках с ледяным спокойствием профессионала и трясется от ужаса, когда остается один.

«Маньяком становятся или рождаются?» – спрашивает он. И не ждет ответа. Потому что знает: он сам стал убийцей в одно пьяное утро. Не маньяком – убийцей. Разница есть? Для погибшей девочки – никакой. А для него?

Он человек, который спускается в чужую тьму, чтобы вытащить оттуда живых. У него нет страха смерти – он уже пережил свою маленькую смерть в день аварии. Нет страха безумия – он уже балансирует на грани, разговаривая с призраком. Нет страха боли – он носит свою внутри каждый день. Он инструмент. И сам себе палач. Он звонит дочери и слышит: «Ты у меня молодец, папулечка». И этого достаточно, чтобы жить дальше. Или чтобы не умереть. Какая разница.

Он хорошо помнил то громкое дело. Маньяк воровал детей и укрывал их. Максимов ненавидел Родиона Смураго не как профессионал, а скорее как отец. Два года назад он сидел в кабинете, перечитывая материалы дела: дети в погре-

бах, дети в колодцах, дети, которые задыхались в темноте, царапая ногтями крышки, пока их палач спокойно запирали замок и уходил в свой сладкий трип. Родион утверждал тогда, что ничего не помнит. Максимов ненавидел эту ложь. Ненавидел самого Смураго.

«Сука», – шептал Максимов, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони до крови. «Ты помнишь. Ты всё помнишь. Каждую жизнь, которую ты отнял. Каждый крик, который ты заглушил крышкой. Каждую девочку, которая верила тебе, пока не поняла, что волшебства нет. Только смерть. Причем ужасная: от обезвоживания и удушья».

Желание его убить пришло не сразу. Сначала была работа: холодная, профессиональная, методичная. Он погружал Смураго в химический сон, щелкал пальцами, гипнотизируя, вытягивал воспоминания, фиксировал, анализировал. «Я психолог, а не палач», – повторял он себе. Но ночами он представлял другое: как берет шприц с чем-то мгновенным и необратимым, как подходит к кушетке, на которой лежит Смураго, расслабленный, беззащитный, с бегающими под веками глазами. Максимов наклоняется, нащупывает яремную вену – он прекрасно знает анатомию, он сто раз видел, как это делают.

Один щелчок. Всё.

Без боли. Без страданий. Без права на последнее слово. Так, как Смураго не поступал ни с одним ребенком. Он заставлял их ждать. Часами. Днями. Пока воздух не становил-

ся липким, пока надежда не умирала раньше тела.

Максимов хотел, чтобы Смураго понял. Не почувствовал, а именно понял, что он такое. Что сделал. Что с ним теперь будет. Максимов верил в собственную силу возмездия.

«Я убью тебя», – шептал он в пустоту кабинета. «Я сделаю это сам. И плевать на суд, на присяжных, на адвокатов. Ты не заслуживаешь суда. Ты заслуживаешь меня».

Но он не убил.

Когда Смураго, корчась от истерического смеха, протянул руку и издевательски произнес: «Делай свое дело, док», Максимов замер. Шприц зажат в пальцах, игла блестела, рука не дрожала, впервые за много лет не дрожала. Он мог. Один жест. И всё. Но в тот миг он увидел не подонка Смураго. Он увидел Лену. Не мертвую дочь, лежащую на асфальте в луже крови, нет. Лену, что жила в его телефонной трубке. Лену, что говорила: «Ты у меня молодец, папулечка».

«Я не он, – понял Максимов. – Если я убью его сейчас, я стану таким же. Палачом. Тем, кто решает, кому жить. Тем, кто играет в бога».

Он убрал шприц.

Детей он тогда нашел и спас, а Родиона Смураго признали вменяемым и осудили на пожизненный срок. Спустя два дня после суда Максимов узнает, что Смураго покончил с собой в камере следственного изолятора, не дождавшись этапа. Он откусил себе язык и умер от кровопотери.

Максимов напьется в тот вечер то ли от счастья, то ли от

горя. С одной стороны, он был рад, что этого подонка больше нет. С другой, всей душой желал для него худшего наказания. Он хотел, чтобы тот долго жил и мучился, сидя в клетке.

Впереди была жизнь со звонками в пустоту и разговорами с мертвой дочерью. У тихим, почти невесомым облегчением, которое приходило только в такие минуты, когда кто-то оставался жив благодаря его работе. Не он. Не Лена. Кто-то, кого можно было спасти. И он спасал. Вернее, стремился спасать, но реального дела за два года так и не случилось.

И вот сегодня – звонок полковника Черникова.

Максимов рассосал леденец, предложенный ему при посадке в самолет, и посмотрел в иллюминатор.

«Кажется, взлетели», – он расслабил ремень безопасности и открыл присланное Черниковым сообщение.

На серии фотографий с места преступления у фонаря на асфальте лежал мужчина. Армянин, на вид не более тридцати. Ухоженная голова, дорогая обувь. На запястье золотые часы. Тут же прилагалось фото с обложки какого-то журнала, где убитый красовался в модном костюме и галстуке. Надпись гласила: «Гений из Краснодара Арташ Карапетян поделится на Сибирском экономическом форуме новейшими разработками».

Максимов открыл файл и начал читать. В неблагополучном районе Омска был найден труп молодого экономиста, приехавшего на всероссийский форум. Причина смерти –

множественные ножевые ранения. Орудие убийства – обоюдоострый охотничий нож с длиной лезвия не менее 15-и сантиметров. Далее описывался характер повреждений.

Он пролистнул несколько страниц вперед.

«Карапетян разместился в престижном «Ибис Отеле», который находится в историческом центре города. Он был почетным спикером форума. Со слов консьержа, молодой экономист вызвал такси и уехал в тот вечер. Больше его в отеле никто не видел».

Максимов вернулся к фотографиям. Начал размышлять вслух:

– Успешный человек, прибыв на форум, выступает там. А после садится в тачку и едет в неблагополучный район незнакомого города. При этом его не ограбили. Просто и безжалостно закололи ножом, перерезав глотку, как ритуальной овце.

На протяжении всего пути Максимов разглядывал фотографии, делая пометки в рабочем блокноте. После посадки его галантно усадили в служебный автомобиль и повезли в нужном направлении.

– Зачем Черников прислал мне этого Карапетяна? Банальное убийство в Сибири и то место, куда меня так срочно доставляют, как-то связаны?

Водитель заглушил двигатель, и Максимов еще несколько секунд сидел неподвижно, глядя на массивный забор. Серый, сложенный из клинкерного кирпича, он производил впечат-

ление несокрушимой крепостной стены. Преграда без единой щели, без намёка на человеческое тепло. Высокий, не менее трёх метров, с камерами видеонаблюдения на углах.

– Ну что ж... – тихо сказал он и подхватил портфель.

Выходя из авто, психолог одёрнул пиджак. Приблизился к входу. Калитка оказалась тяжёлой, обшитой листовым металлом. Электронный замок с цифровой панелью тускло отвечивал матовым чёрным пластиком. Максимов уже потянулся к кнопке домофона, но заметил, что дверь чуть открыта.

«Там наверняка еще работает оперативная группа».

Калитка поддалась с неохотным протяжным скрипом, будто предупреждая кого-то внутри о визитёре.

Максимов невольно огляделся. За забором, который казался границей целого мира, скрывалась совсем иная вселенная. Обширный, не меньше полутора соток, двор был вылизан, доведён до музейного совершенства. Прямо перед входом расстилалась изумрудная лужайка: мягчайший ковёр, на который стыдно было ступить ногой. Газон подстрижен так ровно, будто его выверяли лазерным уровнем: ни травинки выше соседней, ни намёка на оголтело залетевший сюда и проросший одуванчик или торчащий сноп разнотравья. Слева вдоль забора аккуратными геометрическими волнами тянулись клумбы. В пышных, тщательно продуманных композициях сочетались бархатистые розы цвета слоновой кости, фиолетовые астры, кусты гортензии с огромными шапка-

ми соцветий: от бледно-зелёных до насыщенно-сиреневых. Между ними, словно стражи, застыли подстриженные туи и шарообразные кусты самшита.

Воздух здесь был влажным и густым. Чувствовалась автоматическая система полива, тонко шипевшая где-то под землёй. Дорожки из светлого песчаника вились между газонами, приглашая к неторопливой прогулке. Прямо по центру двора на бетонированной площадке замер чёрный внедорожник, вымытый до зеркального блеска. Максимов не был большим знатоком марок, но узнал фирменную решётку радиатора «Мерседеса» и массивные колёсные диски. Рядом под отдельным навесом виднелся вход в гараж – секционные ворота из тёмного металла.

И над всем этим великолепием возвышался дом.

Двухэтажное здание в скандинавском стиле выглядело одновременно лаконично и дорого. Фасад, отделанный светлой штукатуркой, сочетался с тёплым деревом. Большие панорамные окна без рам, простые и строгие, отражали голубое южное небо и зелень газонов. Крыша с небольшим уклоном словно парила над основным объёмом. Терраса на втором этаже, огороженная стеклянными перилами, выходила на южную сторону. Никаких вычурных барельефов, колонн или лепнины – только чёткие линии, функциональность и безупречное качество материалов.

«Деньги тут водятся», – подумал психолог и, достав из портфеля блокнот, что-то записал.

Он остановился на дорожке у крыльца. Тяжёлая дубовая дверь была не заперта. Максимов сделал шаг к порогу и сразу почувствовал сладковатый медный запах крови, перемешанный с дорогим табаком и горьковатыми нотками разлитого алкоголя.

Он замер в дверях.

Тело лежало на спине, раскинув руки в стороны, словно мужчина пытался взлететь или хотя бы удержать равновесие в последний миг. Белая рубашка превратилась в лоскутное одеяло из багровых пятен. Ножевые ранения. Максимов насчитал не меньше двенадцати, они темнели аккуратными разрезами ткани и рваными краями плоти. Голова откинута назад, глубоко перерезанное горло. Максимов наклонился и рассмотрел его, вновь сделал запись в блокнот.

Взгляд психолога, привыкший фиксировать все детали, скользнул дальше.

Большая гостиная выглядела так, будто через неё пролетел ураган. Стекланный журнальный столик рассыпался на тысячу осколков. Они лежали веером, мерцая в луче света, проникающего через незашторенное окно. Рядом замерла бутылка «Macallan» 18-летней выдержки. Из горлышка натекла янтарная лужица, смешиваясь с кровью на паркете.

Максимов медленно повёл головой.

Кровь была везде. На кремовой обивке дивана – длинные полосы, будто кто-то вытирал ладони. На стенах – мелкие брызги, хаотичные, уродливые. На белом мраморе каминной

полки – отпечаток пальца, одинокий и почти эстетский. Воздух, как и время, здесь будто замерло. Комната затаила дыхание.

Психолог перевел взгляд на лицо убитого. Глаза распахнуты, рот приоткрыт – застывшее удивление, которое уже не имело значения. Часть волос на голове сожжены. На руках порезы. Рядом валялась опасная бритва.

– Это кислота, – дал беглую характеристику Максимов. – Ожоги и повреждения на голове, лице и шее – это кислота.

Он машинально отметил: обувь чистая. Дорогая. На левой туфле – одна капля. Золотые часы. Он почему-то зацепился за эту каплю как за первую деталь в чужом неправильном пазле.

– Ну что ж. Кем же ты был, голубчик?

Вопрос повис в тяжёлой мёртвой тишине. На кухне мерно капала вода из крана – единственное, что ещё двигалось в этом доме.

Но уже через мгновение тишину нарушил Черников. Он спустился со второго этажа по дубовой лестнице и, подскокив к Максиму, наспех поприветствовал.

– Как тебе? Увидел уже что-то?

Максимов почесал бороду и саркастически скривил губы.

– Если ты о сходстве омского трупа и этого, то все нужно перепроверять. Да и с чего ты решил, что это серия? Омск, Краснодар, как-то далековато. Нож, ну а что, у нас по стране ножей мало?

– Коля, они были друзьями! – взорвался Черников. – И поверь мне, когда эксперты сделают отчет, ты убедишься, что это, или один и тот же нож, или одна и та же манера исполнения.

– Может быть, – равнодушно парировал психолог и приблизился к труп. – Били безжалостно, не давая шанса на спасение. Как будто рвали клыками. Но если в Омске Карапетян сам поехал навстречу смерти, здесь все намного интереснее.

– Ты имеешь в виду камеры, кодовые замки. Бронированные двери, – подсказал Черников.

– Да, Стас. А кто обнаружил?

Черников отрывисто замахал руками, и в гостиную вошла заплаканная женщина в голубом переднике. В дрожащих руках она держала хрустальный стакан с водой.

– Это Анна Карпенко, работает в семье горничной. Пришла сегодня утром убратся, а тут такое.

Женщина сделала глоток воды и нерешительно поздоровалась.

– Вы сюда не подходите, незачем вам вновь на это смотреть, – попросил Максимов и сам приблизился к ней.

– Арут был очень добрым человеком. И Амалия Арутюновна тоже. Семья Арутюнян щедро платила. Арут помог моему сыну с поступлением в университет. Он очень рано принял дела упокоившегося отца. Гостиничный бизнес, ценные бумаги. Всего я и не знаю. Для меня было главным, что

ко мне относились хорошо.

– Вы не волнуйтесь. Кстати, когда вы были здесь в последний раз, когда производилась последняя уборка?

– Я всю неделю не приходила. Арут сам мне так приказал. Чтобы не приходила. – Ответила она.

На стене над камином висела картина – женщина в старинном голубом платье.

– Кто это? – Максимов обернулся к горничной.

– Я... я не знаю, – растерялась та. – Кристине она очень нравилась.

Психолог обернулся к Черникову и попросил:

– Стас, помоги. Ее нужно снять.

Черников подошел с другой стороны и взялся за массивную раму. Максимов поддел ее снизу, и через мгновение картина оказалась у камина на полу. Максимов развернул ее, облокотив на каминную решетку. На тыльной стороне химическим карандашом было написано:

«Художник Малеев М.А. Луиза Августа Вильгельмина Амалия Мекленбург-Стрелицкая – принцесса из династии Мекленбург-Стрелицких, супруга короля Пруссии Фридриха Вильгельма III и королева-консорт Пруссии».

– Кто такая Кристина? – спросил Максимов, достав телефон и сфотографировав надпись.

– Жена Арута. Да вот же она.

Горничная подбежала к забрызганному кровью камину и схватила одну из фотографий. На ней смеялась женщина в

зеленом платье. Простое светлое лицо, открытый взгляд.

– Я с женой хозяина особо не ладила. С ней вообще никто не ладил, ни шофер, ни кухарка. Она заносчивая была, эгоистичная. А в последнее время была замкнутой, отстраненной.

– Что-нибудь еще можете о ней рассказать? – мягко попросил Максимов.

Горничная устало повела головой.

– Про Кристину я знаю немного. Она вообще не любила рассказывать о своем прошлом. Из нее клещами было не вытянуть что-либо об отце или матери. Как-то я мыла окна в их спальне. Кристина лежала в постели, не торопясь вставать. Мне стало неудобно, я оставила моющие принадлежности и поспешила уйти. Но она быстро вскочила и начала сравнивать меня со своей матерью.

– Почему вы так решили? – спросил Максимов и сделал пометку в блокноте.

– Кристина кричала на меня, обвиняя в том, что я такая же глупая и бесцеремонная мразь, как ее мамаша. Да, она именно так и выразилась, «мамаша». Я старалась не реагировать, ведь я прислуга.

В комнату вошла пожилая армянка. Максимов сунул фото в рамке в портфель и представился.

– Меня зовут Анаит Арутюновна, я младшая сестра матери погибшего. Арут был мне как родной сын. Сразу же приехала, как узнала. Боже, какое несчастье.

Она строго посмотрела на распластанного племянника, затем на горничную и добавила:

– Если тебе больше нечего добавить, ты можешь заняться делами. О Кристине я сама все расскажу следователю.

– Я не следователь, – поправил Максимов, – я психолог, который всесторонне помогает следствию.

– Я в этом плохо понимаю. Но вы наверняка хотите задать мне вопросы. Хотя бы о той же Кристине.

– А вы железная леди, – констатировал полковник Черников. – Вид окровавленного близкого человека не пугает вас?

Анаит Арутюновна ошпарила следователя по особо важным делам циничным взглядом исподлобья.

– Да, пожалуй.

– Кристина, – напомнил Максимов.

– Так вот, девушкой она была максимально невоспитанной. Арут был одержим ей. Я не знаю, на какой помойке он ее подобрал, зато прекрасно догадывалась, по какой причине связал с ней жизнь. Кристина оказалась похотливой суккой, а мой племянник – источником неиссякаемого тестостерона. В семье все, буквально все были против этого союза. Но Арут настаивал на своем. А Кристина, что Кристина?! Она могла строить ему глазки и задирать подол прямо при гостях, когда они спали. Ну вы понимаете, о чем я говорю. Так вот, когда они были вместе, Кристина никогда не стеснялась выплескивать свои эмоции. Она бесстыдно орала на весь дом, как будто ее режут. Как-то она позволила себе

лишний бокал вина и поведала мне о своем подростковом возрасте. Она рассказывала, что охотно вступала в близость с ребятами постарше. И это ее не смущало, даже наоборот. Кристина пользовалась популярностью у противоположного пола. Пустота в ее голове с лихвой компенсировалась легкостью и непритязательностью в отношениях.

– Вы сказали «была». Почему? – спросил Максимов.

Анаит Арутюновна нахмурилась, начав интенсивнее обмахиваться веером, который вынула из сумочки.

– Разве вам не рассказали? Кристина пропала без вести два года тому назад. Моя сестра Амалия даже подавала заявление в розыск. Но все безуспешно.

– Пропала? Вы не припомните подробностей?

Анаит торжественно закатила глаза.

– Пропала и пропала. Хотя нет. Сначала она уехала среди ночи, и Арут бегал по всему побережью в ее поисках. Он нашел ее где-то и привез домой. Она вела себя странно, все время рвалась куда-то. Он даже закрывал ее в винном погребе и приглашал врача. А потом прямо среди ночи она собрала минимум вещей и ушла. На этот раз ее не нашли.

– Ну понятно, – вздохнул Максимов. – Где я могу увидеть вашу сестру, мать Арута Арутюняна?

Карелия. Ладога. Остров.

Август 2026-го года.

– Папа говорил, что зимой небо твердеет. В короткие световые дни оно бывает хрустально-прозрачным, бледно-лиловым на рассвете и густо-синим в полдень. А в долгие ночи, когда мороз скрипит под ногами, оно превращается в чёрный бархат, усыпанный бриллиантами звёзд. Звёзды видны так отчётливо, что кажутся близкими и доступными, как искры от костра. Небо не укрывает, а обнажает, заставляя чувствовать и хрупкость, и стойкость жизни в этом суровом краю. Хозяйка гостиницы рассказывала, что характер карельского неба раскрывается в его изменчивости.

– Что ты говоришь, я не слышу, – Олег сбавил обороты двигателя и наконец совсем его заглушил. Катер, неспешно покачиваясь, подошел к пологому гранитному берегу, и Олег обернулся. Люба по-детски глядела на небо.

– Папа, – с той же интонацией продолжила она, – научил меня так смотреть на вещи. Однажды мы стояли с ним у весеннего ручья. Мне было шесть лет. Я попросила у него спичку, чтобы запустить по стремительному руслу талой воды, и он с легкостью извлек из кармана коробок и протянул мне одну. Когда же я потянулась, он одернул руку и сказал,

что я не права. Я спросила, в чем именно. Тогда он присел на корточки и занес сухую спичку над потоком. И сказал, что все в своей жизни нужно понимать и воспринимать как... не зря. Он говорил, что во всем, даже в мертвом камне, есть свой замысел и душа. Я не понимала его. Тогда он взял мою ладонь и опустил туда спичку. Он попросил не просто из любопытного интереса запустить ее, а представить, что это огромная старинная шлюпка, которая везет путешественников. Представить, что сейчас они выйдут в русло быстрой горной реки, и их ждет удивительное приключение и сложное испытание. Он начал рассказывать мне о членах этой забавной экспедиции так, будто знал каждого в той посудине лично.

— Я уже понял, что твой отец был необыкновенным человеком, — сказал Олег.

— Это он меня научил смотреть на вещи глубоко и все пропускать через свое сердце. И размышлять, и проговаривать о том, что видишь.

Она выглянула из каюты. Олег увидел в ее взгляде немой вопрос и поспешил ответить:

— Этот небольшой островок похож на остров Хонкасалю, или как его любят называть экскурсоводы, крыша Ладоги. На тот возят туристов, а этот теперь только твой. Доставил в лучшем виде, как и обещал. Ты точно не передумала?

Люба зажмурилась от внезапно пробившегося сквозь темную тучу лучика солнца. Ответила не сразу:

— Папа не любил собак, он любил кошек. Мать держать до-

ма не разрешала, не переносила запаха. Еще папа любил гладить меня по голове и выдумывать о них всевозможные истории. Он говорил, что кошки – совершенно летающие животные. Впрочем, не столько животные, сколько летающие. Как и люди, только наоборот. Кошка всегда для чего-то нужна: иногда для глупостей, а иногда и для важных дел.

– Я помню, ты рассказывала. Но все же повторю свой вопрос: ты не передумала?

Люба встала и, закинув рюкзак на плечо, поправила вязаную шапочку на голове:

– Папа говорил, что для пилотирования в небе коту не нужен шлем, очки и перчатки. Ему не нужен летательный аппарат. Ему всего-то нужно хорошее настроение и полное к нему небезразличие.

– Твой отец считал, что кошки летают по небу как птицы? – спросил Олег, подавая ей руку.

– Мой отец просто не любил собак.

Из пассажиров Люба в катере осталась одна, прощаться и желать удачи было некому; десять минут назад Илья с сыном выскочили на деревянный причал острова Валаам и дружелюбно помахали руками. Не передумала ли она? Илья всю дорогу не терял надежды заманить ее на святой остров, но она была непреклонна. Все время, пока он рассказывал ей об острове и прощении, она непрестанно твердила одни и те же слова:

«Я собака, я собака, собака».

Крутила и крутила их в своей голове, чтобы не сбиться с курса, чтобы всегда помнить, для чего она здесь.

Не передумала ли она? Конечно, не передумала!

Люба оперлась на руку Олега и вылезла на нос катера. С удовольствием потянулась, вдохнув обжигающий своей чистотой карельский воздух.

– Нет! – уверенно ответила она и спрыгнула на скалистый берег. Не оборачиваясь, мощными рывками устремилась вверх, к центру острова. Голова немного закружилась.

– Ты сильная, я в тебя верю! – выкрикнул вслед Олег.

Люба остановилась, положила руку на ближайший камень. На удивление он оказался теплым. Только теперь, взобравшись повыше, она обернулась и проводила взглядом отчаливающий катер.

«Я собака, я собака, собака».

Она огляделась. Остров впечатлял своей мощью: сочетание дикой красоты и гармонии. Заросшие соснами и кустарником участки чередовались с оголёнными скальными возвышенностями и провалами. Слева из скалы торчала корявая, растопырившая в разные стороны лапы сосна. Над ней высоко в небе кружили чайки. Их крик раздражал, напоминая издевательский смех.

Люба перепрыгнула с валуна на валун и спустилась ниже. Здесь в обширной каменной ложбине собралась вода. Вы-

глядела она непривлекательно: темная, мертвая. На свинцовой поверхности плавали жухлые прошлогодние листья. Люба наклонилась и погрузила в воду кончики пальцев. Камень был теплым, а вода оказалась ледяной. Она отражала небо в перистых облаках, кроны невысоких деревьев, кустарников. В отражении они тоже выглядели мертвыми. Люба подняла голову и посмотрела на зелень, обрамляющую ложбину. Весь пологий каменный уступ слева зарос ковром белого мха с фиолетовыми проплешинами вереска. Противоположный берег украшала одинокая карельская береза, ее ствол покрыл лишайник, а к ложбине от нее тянулись кусты можжевельника. Люба вспомнила, как в гостинице на общей кухне кто-то из туристов рассказывал, что на финском языке можжевельник звучит как «кис-кис». Она улыбнулась и, поднявшись, отправилась исследовать свой остров.

Забравшись на самую высокую точку, она разглядела его очертания. С той стороны, где ее высадил Олег, островок обрамляли аккуратные шхеры. Перепрыгивая расщелины, через некоторое время она приблизилась к противоположному берегу, который свешивался к воде отвесной каменной стеной. Чайки, увидев непрошеную гостью, взмыли в небо суматошной стаей.

Люба спустилась к воде и, выбрав самый пологий камень, влезла на него. Подняв руки над головой, она закричала что есть силы:

– Я со-ба-ка!

Обернувшись, она увидела слева каменную пирамиду из валунов разного размера. Люба вспомнила, что их называют сейдами и что разрушать эти сооружения нельзя.

То ли духи накажут, то ли удачи не будет.

На той же кухне в гостинице она слышала и другую версию: каждый посетивший остров должен построить на берегу Ладоги свою пирамиду и загадать желание. И если волны или ветер ее разрушат, оно непременно сбудется. Сидя в номере, она читала о них в интернете. В статье говорилось, что в одной из саамских легенд рыбаки, отправляясь в море, оставляли часть своей души в каменной пирамидке на берегу. Предания рассказывали, что люди могли превращаться в каменные сейды. К ним приносили жертвы, а у некоторых сейдов даже были имена.

Люба пошарила взглядом вдоль увесистых глыб. Камней для пирамидки не было. Она решила пройти вдоль изломанной линии берега.

Вершину острова оккупировали высокие сосны и могучие ели, создавая плотный зелёный полог. Здесь же, у кромки воды, царили скальная серость и всевозможные оттенки ягеля.

Местами под ногами появлялся мягкий ковёр из опавшей хвои, который приятно пружинил при ходьбе. Люба нашла плоскую каменную проплешину без растительности и легла. Камень приятно грел спину. Она закрыла глаза и, раскинув руки в стороны, прислушалась. Крик чаек сейчас напомнил

ей шум большого города.

Перед глазами тут же возник Финляндский вокзал в Санкт-Петербурге. Она держала путь сюда, в Карелию. Это было несколько дней назад. Она стоит у турникета и пытается отсканировать штрих-код с билета. Ничего не получается.

– Ты что, это тебе не сюда, здесь электрички ближнего следования.

Строгая женщина в униформе указывала пальцем на выход из вокзала.

– А куда? – Люба нерешительно протянула билет.

– Сортавала! Смотри, это нужно выйти из вокзала и обойти его справа. Там увидишь, другой вход будет. П посадка на «Ласточку» там. Особо не беги, она там долго стоит. Пока растелятся все, пока рассядутся, успеешь.

Люба схватила рюкзак и устремилаь на выход. Обойдя здание, она нашла ту самую дверь и, показав билет проводнику, прошла в вагон. Найдя свое место, удобно расположилась в кресле у окна. Приятный голос в динамике сообщил:

– Уважаемые пассажиры, поезд проследует от станции «Санкт-Петербург» до станции «Хелюля».

– А до Сортавалы сколько ехать? – спросила Люба проходившего мимо проводника.

– Часа четыре, – ответил молодой человек. – Если вам в саму Сортавалу, то лучше выйти не на вокзале, а на следующей станции «Сортавала центр».

– Да, спасибо. А случайно не знаете, улица Кирова там

далеко от станции?

Парень учтиво пожал плечами и ушел.

«Разберемся», – подумала девушка и, достав смартфон, зашла в интернет, написала в поисковой строке: «Сортавала достопримечательности». Начала читать.

«Одной из ярких местных достопримечательностей является гора Кухавуори. Подъём на неё в парке Ваккосалми занимает незначительное время, и находится она всего в 10 минутах от центра пешком. Так же на берегу Ладожского озера в Сортавале находится Валаамский причал, откуда в теплое время отходят катера и «Метеоры» – скоростные суда на подводных крыльях. Основные пассажиры – это паломники на святой остров Валаам, где расположилась обитель. Валаамский монастырь – один из крупнейших и наиболее известных островных монастырей России, имеющий богатую историю и духовную значимость. Остров привлекает паломников и туристов своей природой, архитектурой и атмосферой спокойствия. На Валааме расположены храмы, скиты, часовни и другие религиозные постройки, которые создают уникальный архитектурный ансамбль».

Люба пролистала дальше.

«Сортавала славится богатой местной кухней, здесь вы сможете попробовать оленину, лосятину, медвежатину. Великолепную финскую уху на сливках и солянку с лососем. Холодные сорбеты из брусники, морошки, черники и клюквы. Малосольную рыбу и соленую икру. Особым шиком

местной кухни являются открытые пирожки «калитки», которые изготавливаются со всевозможными начинками: мясными, овощными и ягодными. Здесь вас ожидает море вкусов и неповторимые впечатления. Гостеприимная Ладога ждёт вас в свои холодные объятия с теплотой в душе и огнем в сердце».

– Жаль, что я всего этого не увижу и не попробую, – прошептала Люба и убрала смартфон в карман куртки.

Приятный женский голос из динамиков произнес:

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция Выборг.

Краснодарский край. Детский оздоровительный лагерь. Июнь 2015-го года.

Поезд мирно покачивался. Люба закрыла глаза и припомнила отрезок своей жизни, из-за которого вынужденно ехала сейчас на край света.

Всему виной была Кристина.

Впервые она встретила эту девочку в пионерском лагере. Лето 2015-го года, Любе пятнадцать лет, и она никому не нужна. Куда еще девать человека, если он не нужен? Пионерский лагерь. Официально их так уже давно не называли, разве что в разговорной речи, по старой памяти родителей или бабушек-дедушек. Теперь это ДОЛы – детские оздоровительные лагеря. Девочка придумала своё название: ДННД, «для никому не нужных детей».

И вот она вылезла из душного автобуса и осмотрелась: огороженная сеткой спортивная площадка, облезлый кирпичный корпус, бетонный столб посреди вытоптанной поляны с притороченным к нему громкоговорителем. Орет какая-то модная музыка. Все чужое.

Вдоль штакетника, отделяющего мир строгого лагеря от «открытого космоса», стоит ватага деревенских пацанов:

разглядывают.

Для матери в то лето она была обузой, для отчима и по-
давно. Папа давно погиб в шахте, и они с мамой перебрались
с Кузбасса на юг в Краснодар. Сначала жили вдвоем, а потом
мама привела в дом Виталика: наглого тунеядца с замашка-
ми аристократа. Виталик сразу взялся за воспитание подрас-
тающего поколения.

Выяснилось, что теперь Люба должна вставать рано, что-
бы приготовить всем завтрак и накрыть на стол. Должна на-
учиться вымывать квартиру до блеска. Всех обстирывать.
Молчать и не перечить «новому папе». Не имеет права что-
либо советовать и по первому требованию выполняет все
прихоти мамы.

– Я ведь учусь, – пыталась возразить Люба.

– А это никого не колышет, – отвечал Виталик.

Когда было тяжело, Люба закрывала глаза и вспоминала
отца. Однажды она спросила у него о том, что такое счастье.
Они возвращались с приусадебного участка: шли через луг в
сторону железнодорожной станции. Отец остановился. Рас-
кинул руки в стороны и заорал на всю округу:

– Счастье – вот же оно, вот это лето, сошедшее с ума, это
и есть счастье, доченька!

Он всегда относился к окружающему миру особенно.
Вспоминая такие мгновения, Люба оттаивала. Но ее снова
и снова возвращали с небес на землю, вбивая в ее душу бе-

тонные сваи нелюбви.

— Мамка у тебя огонек, и сиськи, и жопа ладная, — объяснял Виталик. — А ты как гадкий утенок: ни рожи, ни кожи, и жопка с кулачок. Я смотрю, пацаны у нас все углы и пороги не обоссали. Кому ты сдалась? Коряга, а не деваха.

— Люди любят за душу и поступки, так говорил папа, — огрызалась Люба.

— Папа твой был фантазер придурочный. Нет чтобы мать порядком топтать, он в шахту лез и про летающих кошек херню нес.

— Мой папа был самым лучшим...

— Заткнись, уродливая дешёвка, — он закрывал ей рот ладонью и нагло выпучивал маленькие близко посаженные водянистые глаза. При этом от излишнего волнения его щеки и шея покрывались капиллярной сеткой, кадык дергался, а ноздри раздувались.

Люба уходила в свою комнату, ложилась на диван и накрывалась одеялом. Снова вспоминала отца, с которым всегда было просто и уютно. Папка был настоящим героем, шахтером. Теперь его нет. Теперь он часто снился ей в кошмарах.

Вот она закрывает глаза. Перед ней идет вереница черных людей. У черных людей блестят белки глаз и зубы, все остальное не разглядеть. Кто-то из них ее папа, но она не может его узнать. Ей всего четыре года. Они все двигаются одинаково, переступая с ноги на ногу, как ленивые пингвины.

Они идут гуськом и ничего не говорят. Люба понимает, что ей необходимо узнать своего папу в этой черной веренице. Она понимает, что если не узнает его, то он пройдет мимо, и она больше никогда его не увидит. Черные люди все идут и идут. Люба плачет, испуганно провожает прошедших и с надеждой вглядывается в следующих. Но они все одинаковые.

– Папа! – кричит Люба и начинает задыхаться. – Папочка, родненький, не оставляй меня одну. Папа, я здесь, я люблю тебя.

Папа...

Виталик вел себя иначе. Вечером Любу выпроваживали из коммунальной комнаты во двор. Соседка тетя Галя, сидя на лавочке у подъезда, курила папиросы «Беломор», предварительно оснастив картонную гильзу небольшим кусочком ваты. Она смотрела на девочку мыльными глазами и, еле шевеля толстыми рыбьими губами, повторяла:

– Трахаются они там, а ты лишняя. Вот подрастешь, и они тебя к себе позовут.

– А что такое «трахаться»? – спрашивала Люба.

– Подрастёшь, узнаешь. А пока ты никому не сдалась.

Люба подросла, но ничего не изменилось.

В лагере для никому не нужных детей она впервые. Мальчишки за изгородью показывают ей непристойные жесты и машут руками, зовя к себе. Люба брезгливо отвернулась.

Слева направо стоят деревянные одноэтажные строения

– бараки. Орет дурацкая музыка. Холодно. Чужие облака, чужое небо, все какое-то выброшенное, поломанное.

Любино небо – это бесконечная щемящая синева, чистая и глубокая, как воды сказочно теплого моря. Небо тянется над бескрайними лесами, и в его синеве тонут взгляд и время. Облака плывут медленно, величаво, отражаясь в зеркальной глади тысяч озёр, и кажется, будто земля и небо – это два одинаковых мира, разделённых лишь тонкой прозрачной плёнкой горизонта. Сейчас небо над ее головой иное: дырявое, дешёвое. Перед глазами вновь встает отец. Он укоризненно смотрит на выросшую дочь и, четко проговаривая каждое слово, произносит:

– Я не пойму, почему тебе должно быть страшно, ты же дочь шахтера. Знаешь, как страшно опускаться под землю? Помнится, мы садимся бригадой в лифт, и у всех руки трясутся. На лицах дебилские улыбки и такой же блеск в глазах. Боялись все, но никто, ты слышишь, никто об этом не говорил и не смел показывать. Вот и ты не смей.

Люба приткнула коричневый потертый чемодан к ногам. Захотелось закрыть лицо руками и завывать. Но папа качал выставленным в ее сторону указательным пальцем и цокал языком. Значит, нужно не бояться.

Эта девочка подошла первой и протянула руку:

– Меня зовут Кристина, ты из какого отряда?

Люба пристально ее осмотрела: стройные загорелые ножки, чуть прикрытые коротенькой юбочкой. Обтягивающая

футболка персикового цвета с Микки Маусом на груди. Распущенные, разящие белизной волосы. Девочка-конфетка.

Люба особой красотой не отличалась: худющая, угловатая дылда, коротко стриженная и сутулая. «Доска, два соска» – говорила про неё мать. Пальцы-сардельки, россыпь веснушек на курносом носу и редкие, будто кусками выдранные ресницы. Еще эта дурацкая щель между передними зубами.

Кристина по сравнению с ней выглядела как испанская королева.

«Какая красавица!» – решила Люба, и ее щеки зарделись. Кристина схватила ее чемодан и, развернувшись к деревенским, резко выкрикнула:

– А ну пошли на хер, задроты!

– А ты крутая, – похвалила Люба и доверчиво пошла за смелой девочкой.

Оказалось, что они из одного отряда, и кровати их стоят рядом. Кристина взяла шефство над скромной Любой, будучи в лагере не впервые. Она показала, где находится столовая и как в ней можно добывать «ништяки». Пробираясь вечером в каморку вечно пьющего завхоза, они прятались за стеллажами с крупами и мукой. А когда завхоз уходил, забывая запереть склад, девочки проникали туда и объедались изюмом, печеньем, повидлом или сгущенным молоком.

Вечером сидели на большом деревянном крыльце их корпуса, делились сокровенным. Однажды Кристина спросила:

– Ты кого-нибудь ненавидишь? Но не просто так, а по-на-

стоящему? Чтобы взять нож и всадить в брюхо без сожаления!

– Нож? – испуганно повторила Люба, будто поранившись об это слово.

– Ну да, нож. А что тут такого? Я однажды в парке «бачкой» от двух утырков отмахивалась. Одного даже резанула по щеке. Знаешь, как он орал!

Люба серьезно задумалась.

– У меня есть друг, его зовут Муршид. Он очень злой, но это не от ненависти, а потому что у него такая природа. Иногда мы обсуждаем с ним всякое, и он говорит, что в жизни все нужно делать честно: умирать честно, любить честно, ненавидеть тоже честно. И даже если потребуется убить, нужно честно брать и бить. Так, чтобы твой враг не поднялся с ног. А если не честно, то и не стоит начинать.

Кристина возмутилась:

– Да кто он такой, этот твой Му-Му? Я же тебя по делу спрашиваю, а ты мне про друзей рассказываешь. При чем тут дружба? Нахер твоих друзей.

– Муршид. По-арабски значит проводник или учитель. Он мой самый лучший друг. Мне когда-то соседка Розалия посоветовала найти своего наставника, я и нашла.

Кристина вытаращила на Любу глаза:

– А ненависть? Я же спросила тебя о твоей личной ненависти? Или, хочешь сказать, что тебе некого ненавидеть, и ты вся такая белая и пушистая?

Люба растерялась и поэтому переспросила:

– А у тебя?

– В нашей коммуналке на комодѣ стояла кукла. Мать называла ее Маринка и шила ей всякие прикиды: зимой в снегурку одевала, летом в платье в горошек. Короче, мастерила ей одежду как родной дочери. Я блин так круто не одевалась как эта сука на комодѣ.

– Красивая, наверное, была кукла, – сказала Люба.

– Почему была, она и сейчас есть, тварь поганая. Я ее ненавижу больше жизни, – стиснув зубы, прошипела Кристина. – Знаешь, о чем я мечтаю? Когда вырасту, возьму Маринку и увезу к ней на могилу. К матери. Ведь она к тому времени сдохнет, обязательно сдохнет. Я припрусь к ней на могилу и раздену ее гребаную куклу. И чтобы обязательно холодный дождь, и чтобы эта сука сидела и мокла. Вот так!

Люба вздрогнула.

«Ненавидеть, кого бы я могла так же неистово ненавидеть?»

Начала вспоминать. Вот она маленькая, заходит в комнату с трехлитровой банкой болотной воды. Папа на смене в шахте. Ей восемь лет. Внутри плавают черные головастики – будущие лягушки. Мать сидит за швейной машинкой.

– Что ты там притащила опять? – строгий голос матери останавливает ее на полпути к заветной тумбочке, где она планировала спрятать банку.

– Это очень поразительно, мама, – девочка показала пла-

вающих головастика. – Пацаны во дворе сказали, что у них на глазах появляются лапки.

– Ты что, недоношенной у меня родилась, бестолочь, – женщина оставила шитье и, подойдя к дочери, нагло отняла банку.

– Отдай, они же живые, отдай...

– Лучше бы матери помогла, непутевая корова.

– Мамочка, а давай я их обратно в лужу унесу, а? – на глазах девочки навернулись слезы. – Давай я унесу... а?

– На вот тебе, неси на здоровье! – злобно выкрикнула мать и вылила содержимое банки на голову дочери. Головастики упали к ее ногам, дёргаясь в образовавшейся луже.

– Вот тебе лапки, вот тебе... – мать растаптывала маленьких головастика тяжелой ногой, смеясь.

Мокрое платье прилипло к худеньким бедрам. Истонченные в обиде детские губы посинели и затряслись в такт затрепетавшему сердцу:

– Я не люблю тебя, не люблю, я никогда не буду такой как ты и никогда, никогда не прощу! – выкрикнула Люба и убежала прочь.

«Взрослые заводят детей, чтобы им было кого ненавидеть», – укоренилось в её голове.

– Так и что, есть кого по-настоящему ненавидеть? – вновь спросила Кристина.

– Да, – ответила Люба, и они обнимаются. Затем Люба

сменила тему:

– А чего тем пацанам за оградой надо?

– Как-нибудь расскажу, – Кристина встала и ушла.

Люба обернулась. Муршид все это время сидел у нее за спиной и спокойно слушал. Спросил с укором:

– Зачем ты каждой встречной поперечной обо мне рассказываешь?

– Она все равно ничего про тебя не поняла, – попыталась оправдаться Люба и улыбнулась. – Мы разговаривали о ненависти. Оказывается, Кристина тоже не нужна своим родителям. Матери уж точно, как и я.

Муршид недовольно оскалился.

– Странные вы существа: рождаете детей, а потом ненавидите их. Причем ненависть вы не выдумывали, она уже в вас изначально пребывает. Ты в курсе, что черви, которые жрут человеческий труп после захоронения, не водятся в земле? Эти черви – ненависть, которая сидит в каждом человеке с рождения. Ты можешь себе представить: ты учишься, влюбляешься, спишь, ешь, молишься, а черви сидят у твоего сердца и выжидают.

– Можно подумать, у собак нет червей, – спокойно возразила Люба и погладила Муршида по испещренным рубцами морде. – Может, именно поэтому отец не любил собак. Он говорил: «Если присесть вечером у открытого настежь окна, свесить ноги и глупо уставиться в небо, то, я вас уверяю, кроме бескрайней синевы, подернутой белоснежными

барашками облаков, кроме бесконечного купола, кроме алеющего, шипящего, остывающего в море солнца, кроме чернеющей кромки закатного неба можно увидеть пролетающего кота-пилота. Кот будет летать, если его не нервировать, не приземлять, не гладить против шерсти и никогда не обещать ему ничего несусветного. Коты – легковверные и доверчивые существа. Психика их соткана из тончайших иллюзорных нитей. Душа проста и уютна. Кот долго помнит обиду и никогда не забывает обещанное. Не обманывайте своих кошек».

Муршид недовольно поморщился и спросил:

– Твой отец верил в летающих кошек?

– Мой отец говорил: «Не обманывайте своих кошек. Не обманывайте своих близких. Не обманывайте себя».

– Лучше посмотри, какое небо, – заметил Муршид, задрав огромную собачью башку вверх. – Ненависть – это эмоция, но над миром суеты есть иное пространство.

– Дурацкое небо. Зачем оно, если под ним никто никому не нужен, – отмахнулась Люба, еще раз погладив Муршида по морде. – Про нож Крис, конечно, сильно сказала. Я бы так никогда не смогла.

«Как-нибудь расскажу» случилось через три дня, когда девочки пошли с отрядом на реку. Их путь лежал мимо песчаных оврагов. В них местные пацаны рыли пещеры и беспризорно обитали там все лето, рыбака и воруя с ближай-

ших огородов. Когда девчонки шли вдоль импровизированных укрытий, лохматые головы местных высывались из нор. Пацаны провожали их свистом и пошлыми возгласами:

– Эй, городская красотка, иди к нам, чего покажу! У нас тут есть сладенькое!

Люба стыдливо прятала глаза; на ней, в отличие от Кристины, был закрытый купальник. Кристина в раздельном бикини вальяжно дефилировала мимо пацанов. А потом схватила Любу за плечо и прошептала на ушко:

– Я однажды ходила к ним, и ты знаешь, как хорошо мне было. Давай сходим сейчас вместе.

– Ты что, они же уроды, – не поняла Люба.

Кристина издевательски рассмеялась: мол, ты чего, детка, ведешь себя как малолетняя. И схватив Любу за вторую руку, потащила вверх:

– Пошли, никто там тебе плохого не сделает. Потом еще просить будешь.

Люба вошла в просторную нору. Со всех сторон на нее смотрели наглые глаза. Двое парней спустились с песочных уступов и, подсев к Кристине, начали гладить ее по ногам и животу. Люба отсела в противоположный угол, испуганно прижавшись к песчаной стене.

– Крис, ты чего? Пошли, нам пора, – дрожащим голосом бросила в ее сторону.

– Твоей подружке намного лучше, чем тебе.

Люба подняла голову. Перед ней стоял парень. На вид ему

было лет семнадцать: оголенный мускулистый торс, выцветшие на солнце джинсовые шорты, русая копна волос и перепачканные глиной и песком бесстыжие руки. Люба посмотрела направо и увидела невообразимую картину: рослый пацан целовал ее подружку в губы. Кристина отвечала ему без стеснения, сосалась как в пошлых фильмах, которые Виталик тайком смотрел в отсутствие матери.

– Крис, что ты делаешь? – Любу затошнило.

Рыжий пацан улегся рядом и нагло ухватился за ее выступающую грудь. Заржал. Второй пристроился с другой стороны и бесцеремонно всунул ладонь под купальник. Начал грубо водить ею по животу.

– Что вы делаете, прекратите! – прошептала Люба. Ее затрясло от ужаса.

– Ничего, детка, все будет тип-топ. Вон, твоя подружка уже получает кайф. Расслабься.

Кристина лежала в нескольких метрах и, не моргая, смотрела на нее. Деревенские целовали ей шею, гладили по ногам, животу.

– Ты не такая красивая, как Кристина, но тоже свежая булочка, – произнес один из пацанов. Он довольно сплюнул на песок и решительно полез рукой выше.

Люба схватила его за волосы и сильно мотнула в сторону. Его рука выскочила из-под купальника, и он завопил на всю пещеру. Второму она ударила в лицо ладонью и, воспользовавшись моментом, вскочила и резко устремилась к спаси-

тельному выходу.

— Крис, подружка у тебя дикая? Не хочешь, так и скажи, нахер тогда приперлась, — схватившись за глаз, крикнул второй пацан.

Перед тем как выпрыгнуть из песчаной пещеры, Люба оглянулась. Кристину не увидела. Ее тело уже обвили, обступили и жадно поедали деревенские. Люба бегом, задыхаясь, вернулась в корпус, наспех собрала чемодан и устремилась из лагеря. Она бежала так быстро, как только могла, хватая воздухом рот. Перед глазами стояла Кристина, обвита сотнями грязных рук. Руки срывали одежду и трогали ее повсюду. Руки не имели туловищ и походили на уродливых слепых змей, жаждущих человеческого, но не тела. Казалось, что они не просто шарят по спине, животу, бедрам и шее, а ищут те самые тайные отверстия, чтобы влезть внутрь и полакомиться душой.

Девочка пришла домой за полночь. Ее уже ожидал директор лагеря и несколько сотрудников: обнаружив пропажу Любы, все были подняты на ноги. Мама что-то кричала ей в лицо. Виталик тряс пальчиком. Но Любе было наплевать. Она больше никогда в жизни не хотела в ту пещеру. Она больше никогда не хотела встретить девочку Кристину. И забыть, поскорее забыть. Она не такая и никогда такой не будет.

Никогда!

«Девочки заводят подруг, чтобы потом ненавидеть их», —

пульсировало в висках.

Только Муршид был с этим не согласен. Он с укором смотрел на нее и говорил:

– Ненависть – это мерзкий клоп, которого нужно раздавить пальцами и попытаться отмыть от этой вони свои руки. Твой отец говорил, что самое главное в человеке – это любовь. Если ты любишь, то все вселенные и миры предстают перед тобой во всем своем великолепии. И ты понимаешь, какое место здесь отведено именно тебе. Ты... такой маленький, ты – песчинка на ладони бога. Иногда тебе кажется, что он забыл о тебе. Тогда почему не сдует в небытие, как ненужный мусор? Почему бережно держит на большой и теплой ладони? Может, именно поэтому папа называл тебя Любовью.

– Бог тоже ненавидит нас, – со слезами на глазах спорила Люба. – Иначе все были бы счастливы.

– А все и так счастливы, просто зажрались этим счастьем настолько, что перестали его видеть, – Муршид мотнул увесистой головой и лениво зевнул.

Спустя несколько месяцев октябрьским утром Люба шла в школу. На детской площадке стоя кобелей собралась возле течной сучки. Кобели сначала яростно дрались, чтобы определить очередность. Их морды были в кровавой слюне, лапы и спины изодраны, но они стояли и ждали своей очереди.

Тогда Люба вспомнила про Кристину. Накатила такая липкая злость, что девочка схватила первую попавшуюся

под руку палку и кинулась на стаю возбужденных кобелей.

— А ну пошли вон, псы поганые!

Один из кобелей, обогнув Любу сзади, вцепился зубами ей в ногу. Палка из ее руки выпала. Спереди напали еще двое: первый схватил за кисть левой руки и начал рвать, второму удалось добраться до предплечья. Остальные псы тоже ринулись на беззащитную девочку, кусая за руки, ноги, голову.

Люба кричала что есть силы. Собаки рвали на ней одежду, рвали на ней мясо, рвали, рвали, рвали.

Сначала ей было очень больно, но потом тело сковало стальными обручами, и наступило оцепенение. Люба наблюдала, как псы терзают её, но не кричала и не сопротивлялась. Она смотрела в глаза сучке, за которую заступилась, и не понимала, почему та не убегает. Собака стояла, задрал хвост, и ожидала конца потасовки. А потом Любе показалось, что на нее смотрела не собака, а та самая девочка, с которой она познакомилась в лагере. На нее смотрела Кристина.

Поезд «Санкт Петербург – Хелюля». Август 2026-го года.

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция Каменногорск.

Неожиданно проснулся телефон. Люба посмотрела на экран: звонил Алвис. Немного выждав, она ответила.

– Да, алло.

– Мне кажется, я знаю истинную причину твоих командировок в Краснодар, Ростов и Омск, – тихо, почти нерешительно произнес мужской голос в трубке.

– Здравствуй, Алвис, – Люба переложила телефон в левую руку и откинулась на спинку кресла. – Я же тебе сказала, что эта поездка будет последней. Скажи, пожалуйста, я когда-нибудь врала тебе?

Алвис выдержал паузу и спросил:

– Это не даст тебе освобождения, это погубит твою душу окончательно.

– Я собака, – огрызнулась Люба, – а у собак нет души, только инстинкты. Как у собаки Павлова: лампочка загорелась, и слюна потекла. Почему вы, мужчины, не можете понять, что любая женщина – это собака Павлова? Погладил ее и нажал на звоночек. А потом и гладить не обязательно –

лишь жми на кнопку, а она и рада будет хвостиком вилять.

— Люба, я люблю тебя, и ты прекрасно это знаешь. Услышь меня, пожалуйста...

— Скоро все закончится, — отрезала Люба и отключилась. Отвернувшись к окну, она сунула в рот кулак и сильно укусила себя до синих вмятин на коже. Зажмурилась от боли. Несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, немного успокоилась. Нужно было отвлечься от накатывающего чувства вины перед этим прекрасным человеком, который так много сделал для нее. Она не имела права так с ним говорить. Но скоро она обязательно все исправит. И все будет хорошо.

Люба понимала, о чем говорит Алвис. Ее так называемая первая командировка случилась спонтанно. У нее тогда началась новая жизнь: Алвис окружил ее спокойствием и заботой. Однажды они шли по улице Генделя в сторону площади Победы в Калининграде и неспешно беседовали, как вдруг Люба увидела его. Она резко остановилась, одернув руку, и стеклянным взглядом уставилась куда-то за спину Алвиса. Он обернулся, но заметил лишь газетный ларек.

— Что-то не так?

Люба, не отвечая, обошла его и направилась к ларьку, наклонилась к приоткрытой форточке, о чем-то попросила продавца. Тот подал ей какой-то глянцевый журнал. Люба начала лихорадочно его листать, разыскивая что-то важное и понятное только ей. Алвис молча ожидал. Наконец Люба нашла. Алвис подошел сзади и из-за ее плеча прочел заго-

ловок: «Будущее России в руках молодых гениев экономики». Это была статья о спикерах Сибирского форума молодых бизнесменов. В ней говорилось, что в начале февраля в городе Омске пройдет всероссийский экономический форум, посвященный новейшим технологиям в сфере искусственного интеллекта. Далее развёрнуто объяснялось, какие темы будут представлены, а также имелся список спикеров: молодых бизнесменов из разных уголков России.

Люба закрыла журнал. На обложке «глянца» красовался стройный парень в солидном костюме от Армани. В руках он держал какую-то загогулину в виде песочных часов, отчасти напоминающую умную колонку. Надпись под фото гласила: «Гений из Краснодара Арташ Карапетян поделится на Сибирском экономическом форуме новейшими разработками».

– Любаша, что случилось? – Алвис хотел понять, почему возлюбленная так себя повела.

Люба отдала журнал продавцу, просунув его в форточку, и, натянуто улыбнувшись, ответила:

– Ничего. Показалось.

Заканчивался январь, и Люба засобиравалась в поездку. Выяснилось, что руководитель отправляет ее в срочную командировку.

– Раньше ты не ездила по поручениям своего шефа, что-то изменилось? – спросил Алвис.

– Не волнуйся, дорогой, лечу я одна и в гостинице буду

одна.

– Я тебя не ревную, просто это как-то спонтанно, что ли. Не пойму, в чем срочность?

– Да я только туда и обратно. Омск, я даже не знаю, где это. В Сибири, наверное. У меня командировочные билеты: сначала в Москву, потом три часа лететь до Омска. Там пару дней и обратно. Ты даже не успеешь соскучиться.

Алвис выслушал ее и просто поцеловал.

Конечно, Люба его узнала, но ничего делать не планировала. Правда, в груди странно заныло. Когда она увидела его глаза, цинично смотревшие с глянцевой обложки, ей захотелось застать его в непринужденной обстановке и... «Что я хочу от этой встречи? – воспалилось в ее голове круговоротом мыслей, – может, просто поговорить? Увидеть раскаяние, услышать прощение?» Люба до конца не понимала, зачем ей встречаться с этим человеком, но все же ее тянуло к нему неведомым уродливым магнитом.

Она с легкостью перенесла дорогу, и когда самолет приземлился в омском аэропорту, отправилась в забронированный номер в центре города. Вечером, желая хорошо провести время, Люба пошла в ресторан, находящийся в шаговой доступности от отеля. Ресторан назывался «Колчак»: приятная музыка, уютная обстановка и изысканная кухня. Люба заказала ризотто с белыми грибами и бокал белого вина. Достала программку экономического форума. Выбор

отеля был неслучайным: участники форума тоже размещались здесь.

«В таком случае, – думала Люба, – шанс встретиться с молодым гением экономики как минимум удваивается».

И она не прогадала. В тот же вечер Арташ Карапетян в компании прелестной блондинки появился в зале ресторана «Колчак». Он был в дорогом темно-синем костюме, она в вечернем платье, отороченном горностаем. Люба смотрела ему в спину, словно высверливала в ней дыру. Она ждала. Наконец он встал, поцеловал своей спутнице ручку и направился в курилку. Люба пошла следом. Он достал золотой портсигар и закурил. Выглядел расслабленно и непринужденно. Люба молча встала перед ним, не давая шанса ее не увидеть. И он увидел. И узнал.

Его взгляд – прямой, наглый, лишённый внутреннего огня и трепета – упирался в нее без тени смущения. Его зрачки были чёрными, почти без бликов. Он не отводил глаз, превращая зрительный контакт в инструмент давления. Люба не увидела так нужного ей «я виноват перед тобой» – лишь констатацию его позиции: «Я здесь хозяин».

В эту секунду она поняла, что не услышит от этого человека слов прощения и тем более раскаяния. А если так, то...

Его тяжёлые полуприкрытые веки намекали на скучающее превосходство. Морщинки в уголках глаз – от легкой усмешки. Брови скептически приподняты. Уголки рта подёрнуты чуть вверх. Это не улыбка радости, а гримаса самоутвержде-

ния. Губы тонкие, поджатые, уродливо выгнутые. Его рот начал двигаться, обнажая зубы в неприятном оскале.

– А ты, сука, какого хера тут делаешь? – спросил молодой гений экономики и брезгливо сплюнул в ее сторону.

– Понравилось, еще хочу, – как можно спокойнее ответила Люба.

Вдруг его мимика изменилась, и Люба увидела недоумение. Его лицо говорило: «В чём проблема? О чём ты вообще?» Но тут же все улетучилось, сменившись циничной усмешкой.

– Слабо верится. После того, что мы с тобой сделали...

– Я же говорю, понравилось, – Люба подошла к нему ближе и прижалась к груди. В нос ударил запах сигарет и дорогого парфюма.

– Ты живешь в Омске или проездом?

– Я остановилась в отеле, – Люба прильнула к его уху и зашептала: – Но сделать это я хочу, как и в прошлый раз, в подвале. Я сняла один такой. Он в частном секторе в районе улиц Северных, здесь недалеко. Что скажешь... милый? У меня всего два дня, и я уеду. Твой форум тоже послезавтра заканчивается. Так что думай.

Его глаза загорелись подлым, изумрудным огнем. Люба помнила этот животный блеск. Его ладони стали влажными, взгляд маслянистым, от виска по щеке потекла капелька пота. Он задрал подбородок и довольно заклокотал горлом.

Не дожидаясь ответа, Люба сказала, что будет ждать его

в полночь на пересечении улиц Орджоникидзе и 7-й Северной и поспешила удалиться. Заказывать такси официально она не решилась; подошла к «бомбилам» на остановке и выбрав глазами мужика постарше, договорилась. Она решила везти экономического гения в Порт-Артур. В интернете она вычитала, что это один из самых неблагополучных районов Омска. Легко нашла охотничий магазин и купила обоюдоострый нож в кожаных ножнах с возможностью приторочить его к ремню.

В ее голове девятибалльным штормом кипели мысли и слова, а сердце ухало церковным колоколом.

«Он приедет, не сможет отказаться от удовольствия. Алвис как-то говорил о прощении, читал письмо своего родственника, отправленного в ссылку. Но посмотрев в его глаза, я теперь точно знаю: нет в природе никакого сожаления и прощения, нет никакого божьего суда, есть только суд человеческий. Есть закон, который можно обойти, купить или проигнорировать. Есть только «невыгодные» и «выгодные» поступки, просчёты и успехи. Нет никакого страха возмездия свыше. Злодей должен бояться земных последствий, но не небесных. Потребность души в искуплении – глупость, придуманная лохами. Душа для этого молодого гения экономики – абстракция. Я и есть для него и бог, и суд, и душа. И искупление. И пойду вперед, не оглядываясь».

Весь вечер Люба нарезала круги по вестибюлю отеля. Затем села в такси и отправилась на тот самый перекресток.

Ждала. И не ошиблась. Он приехал, опоздав всего на пять минут. Пьяный блеск в глазах, початая бутылка дорогого виски в руке. Люба махнула шоферу, стоящему на другой стороне у частных домов, и, забравшись со своим спутником на заднее сиденье, протянула пятитысячную купюру:

– Как и договаривались.

Когда приехали, Люба заплатила еще столько же, и таксист кивнул, подтвердив, что будет ждать, сколько потребуется.

– А мы быстро не умеем, – пошутил Арташ.

Люба молча шла, уводя его от центральной улицы вглубь частного сектора к пустырю. Сначала он так же молча тащился следом, периодически отпивая из бутылки. Наконец, остановившись под фонарем, выкрикнул:

– Где твой арендованный подвал, сучка? Долго еще?

Люба развернулась и, сильно сжав рукоять ножа, подошла к нему вплотную.

– Тебе правда ни капельки не совестно за случившееся?

– Чего? – не понял он.

– Пожалуйста, попроси у меня прощения и скажи, что ты реально сожалеешь о случившемся. Пожалуйста, не заставляй меня это делать, – прошептала Люба, прикрыв глаза.

– Чего ты там блеешь, овца? Где подвал?

Пошел снег. В голове заиграла мелодия: красивая симфония скрипок, альтов и виолончели. Совсем успокоившись, Люба перестала думать о том, кто сейчас стоит перед ней,

оскорбляя ее и унижая в очередной раз. Она улыбнулась самой себе, поняв, что неслучайно привезла его именно под этот фонарь. Снег перестает быть обычной замёрзшей водой. Он становится сценой, на которой разыгрывается немой спектакль мести. Каждая снежинка, войдя в конус света, вспыхивает на мгновение алмазной звездой, чтобы тут же кануть во тьму. Так же будет и с ним, ее обидчиком. Это миг жизни, отпущенный ему под этим фонарем для последнего танца. И в этой непрерывной череде рождений и угасаний суета мира замедляется, расплывается, теряет четкие границы. Резкие звуки гаснут, поглощенные рыхлым покрывалом. Острые углы домов смягчаются. Мир обволакивается белой ватой, и в этом коконе рождается абсолютная безмятежность. Фонарь здесь – не просто источник света. Он проводник, медиум. Он приглашает снег в свой круг, делает его танец видимым, превращает хаотичное падение в осмысленное священнодействие. Сейчас здесь состоится жертвоприношение! Смотреть на это – все равно что созерцать вечность через замочную скважину. И вот ты уже не просто палач, ты наблюдатель рождающейся справедливости. Ты – точка отсчета. Ты – тот самый фонарь, в свете которого вселенная мягко кружится, чтобы убаюкать твоё сомневающееся «я». Даже мудрый Муршид говорил: «Если нужно бить, значит, нужно брать и бить без промедления, не задумываясь, так, чтобы враг не поднялся никогда. А если не можешь, даже не браться за нож». Если решил падать, падай до конца!

Ты растворяешься в этом падении, становишься его частью, обретаешь покой. Так рождается принятие своего права на справедливое возмездие.

Люба сунула руку под пуховик и освободив пояс извлекла нож из ножен. Сначала сильно сжала, но тут же расслабила ладонь, осторожно поиграла рукоятью в руке и резко ударила в его правый глаз.

Арташ сморщил губы так, будто ему в глаз попала соринка или залетел комар. Люба отшатнулась, испугавшись. Почему-то она думала, что он непременно упадет замертво. Но парень грязно выругался и шагнул к ней навстречу.

– Ты охуела? – сплевывая слюну и дергая головой, спросил он.

Люба почувствовала, что прямо сейчас потеряет сознание: голова закружилась, и фонарь вместе с вихрем снежинок поплыл перед глазами.

– Сучара поганая. – яростно выкрикнул Арташ.

Этот крик отрезвил Любу, вернув из полубморочного состояния. Она сделала уверенный шаг вперед и, крепко ухватившись за рукоять, оттянула нож на себя. И тут же ответным движением, будто к ее кисти была приторочена невидимая дверная пружина, поразила своего врага в шею и в грудь. Ее рука заработала как профессиональная швейная машинка. Арташ, задыхаясь, захрипел. Из образовавшихся ран брызнула кровь. Одна струя попала Любе в лицо, окатив горячим. Арташ обмяк, опустившись на колени, и упал к ногам своего

палача. Схватился за шею, пытаясь обеими руками заткнуть кровоточащие раны. Из его рта вырывались сдавленные звуки, похожие то на бульканье кипящего масла в сотейнике, то на храп пьяницы. Он перебирал пальцами по шее, не понимая, откуда выливается жизнь. Кровь густыми струями пробивалась сквозь скользкие пальцы, не оставляя шансов на спасение. Единственным глазом он посмотрел на Любу, стоящую над ним с ножом, и прохрипел:

– Помоги.

Снег вокруг его головы окрасился кровью. Его ноги подгибались к животу и резко распрямлялись. Цепляясь за жизнь, он с легкостью с ней расставался. Люба наклонилась. Его горло, содрогнувшись в последней конвульсии, исторгло рвотно-кровавую массу прямо ей в лицо. Потом он еще шевелил пальцами на руках, как будто настраивая небесную виолончель. Но спустя минуту затих и страшно, с животным рыком, выдохнув грешную душу, сдох.

Люба упала возле бездыханного тела на колени, начала собирать руками кровавый снег вокруг его головы и пихать ему в открытый рот.

– Жри, жри, тварь! – скулила она, будто неудовлетворённая его смертью. Затем она схватила нож и стала вонзать его в уже умершее тело: в грудь, живот, пах.

Она плохо помнила, как остановилась. Вся в крови и блевотине, попробовала умыться свежим снегом, терла им подбородок, щеки, лоб, под глазами. Потом вспомнила, что так-

сист все еще ожидает. Кое-как дошла до машины и бухнулась на заднее сиденье.

В салоне было темно. Люба достала из внутреннего кармана пятьдесят тысяч пятерками и дрожащей рукой протянула. Шофер оценивающе посмотрел на нее в зеркало заднего вида, но промолчал. Тронулся с места.

– За тридцать лет работы в такси я и не такое видел, – неожиданно произнес мужчина. А потом, выдержав паузу, спросил: – Знаешь, почему бог не отомстил Каину за Авеля?

– Не знаю, – мертвым голосом ответила Люба.

– Эту идею придумал мой внук. Он учится в университете: умный, собака.

При слове «собака» Люба вздрогнула.

– Так вот, мой внук как-то сказал, что бог создал только двух людей: мужчину и женщину, Адама и Еву. А остальных людей, типа, создали сами люди. Но мой внук понял, что кроме Адама и Евы на Земле больше нет никаких других людей. Втыкаешь?

– Нет, – пытаюсь не сойти с ума, ответила Люба. Окровавленный нож в ножнах запульсировал, как сумасшедший метроном. Она прижала его к бедру сквозь пуховик, пытаюсь не показать на лице гибель собственной человечности. Кто-то темный у левого уха зашептал: «Прикнокай его, он же свидетель».

– А это означает, – продолжил таксист, – что все мы одинаковые. Нет, нам, конечно, кажется, что мы каждый сам

себе индивидуальность. Но, как ты уже понимаешь, все это херня.

Люба сунула руку под пуховик, сжала скользкую от крови рукоять и приготовилась бить.

Он резко затормозил. Снова посмотрел на ее грязное лицо и бешеные глаза в зеркало.

– Я же не дурак, полтинник за Порт-Артур ночью с перепугу не отваливают. Да и кровищей от тебя несет за версту. Если честно, мне плевать, куда ты привезла своего мужичка и где оставила: твои дела не мои. Я муж, я дед, я дожить хочу свое отмеренное по-людски. Так что давай, девчуля, так решим: я тебя везу откуда забрал и забываю о твоём существовании. А ты руку свою из-под пуховичка достаёшь и успокаиваешься.

Люба заплакала. Таксист еще с минуту подождал и поехал.

Подвезя к ларьку на перекрестке, осторожно спросил:

– Хоть за дело?

Люба вылезла из такси и, перед тем как захлопнуть дверь, прошептала:

– Бог мне судья.

А потом обернулась.

– Я так и не поняла, почему бог не отомстил Каину за Авеля.

Люба в очередной раз с благодарностью вспомнила Амалию Арутюнову: ведь в той сумке, что она бросила к ее но-

гам тогда, была приличная сумма денег. Ровно столько стоила шкура собаки по имени Люба. Деньги эти были унижительными, но без них она бы не обрела Алвиса.

Вспоминать об этом не хотелось. До отеля Люба пошла пешком. По дороге зашла в какой-то круглосуточный бар и воспользовавшись туалетной комнатой, умылась. Вывернула пуховик на изнанку и отмыла от крови нож. По дороге выбросила его в какую-то урну на остановке общественного транспорта. Пришла в отель, просочилась в лифт и далее в номер. Скинула всю одежду и упаковала в заранее приготовленные вакуумные пакеты. Приготовила на выброс. Вошла в душевую и начала тщательно отмывать кровь теплой водой. Через минуту ее по-настоящему накрыло: стало выворачивать и спазмировать. Она крутилась юлой, бросаясь на стены как сомнамбула. Она хотела сдохнуть здесь и сейчас. С одной стороны, она нашла одного из них, а с другой – хладнокровно убила человека.

ЧЕЛОВЕКА – рвало и саднило в левом подреберье.

– Тв -а-а-а-а-рь! – вырвалось из нее истощенным плевром.

Она включила холодную воду, и струи разрезали ее пополам. Дыхание перехватило, Люба сгруппировалась и тут же распрямилась, как уродливая ржавая пружина. Выключив воду, она с трудом раздвинула створки душевой кабины и вывалилась как никому не нужный мусор на дорогой персиковый коврик с Микки Маусом.

Перед глазами появилась девочка Кристина в коротень-

кой футболке с голливудской мышью и чуть оголенным животиком. Она, вся такая стройная, красивая, стояла и нраво-учительно говорила Любе:

– Дерьмо случается, Любаша, как у Каина после убийства Авеля: бог не убивает его, но ставит знак – печать вечного свидетельства. Месть была бы проще, не правда ли: жизнь за жизнь. Но божественная кара оказывается и страшнее, и милосерднее – это обречённость жить с собой. С тем, кем ты стал. Вот и у меня теперь к тебе вопрос, сучка: а кем ты стала, Любаша?

Краснодар. Июль 2026- го года. Максимов.

Произведя первичный беглый осмотр и сделав пометки в блокноте, Максимов решил пройтись по дому для более детального исследования.

Профайлер на месте преступления действует как переводчик с языка вещей на язык поведения. Он ищет не улики в криминалистическом смысле, а психологические следы: отражение привычек, темперамента и образа жизни людей, обитающих здесь. Профайлер смотрит, как пространство делится на зоны и насколько это соответствует «норме» для данного класса жилья. Что выставлено напоказ, а что спрятано? Книжки по саморазвитию, дипломы, фото на камине или плесень в углу – все это незримые маркеры. Ритм жизни, даже если она угасла. К примеру, если кровать разобрана на двоих, но подушка нарочито находится в центре, возможно, жертва спала одна, несмотря на брак. Если матрас с одной стороны провис сильнее, возможно, это привычка подолгу сидеть на кровати или есть в постели, что зачастую говорит о депрессии.

На кухне и в гостиной все как на ладони, словно для опытного хироманта. Здесь раскрывается истинный харак-

тер жильцов. Грязная посуда в раковине или идеальный порядок в шкафах могут о многом рассказать внимательному наблюдателю. Вот на полочке расставлены фигурки коллекционных слоников. Максимов разглядывает их, фотографирует с разных ракурсов. Как они расположены? Строгая симметрия предупреждает, – не следует нас трогать! Одинаковый угол поворота к окну указывает на паранойю или расстройство аутистического спектра. Хаотичное нагромождение – на импульсивность. Эти стоят вразброс, как попало. Их спины покрывает пыль. Это может говорить о том, что перед смертью хозяин дома был безразличен к происходящему вовне и сосредоточен на своей внутренней проблеме.

Максимов открывает кладовку и выдвигает мусорный контейнер. Видит пустые бутылки в углу. Дорогой робот-пылесос. На стеллажах аккуратными рядами консервированные овощи, компоты.

«А это уже интересно», – размышляет психолог.

Теперь важно понять: Арут планировал свое будущее или жил одним днем? Обилие бутылок дорогого спиртного кричит о склонности к зависимостям. Максимов открывает огромный холодильник. Там нет приготовленной еды. Еды в заказной, картонной или пластиковой таре тоже нет. Лежит половинка сырокопченой колбасы. Нарезанный на тарелке лимон, две бутылки спиртного. Очевидно, это не признаки семейного и счастливого человека, а памятник борьбы с унынием. Дорогой пылесос, но при этом пыль на полу и мусор на

коврах. В углу гостиной у стола рассыпана какая-то крупа. Сколько она там лежит?

Видимо, Аруту было на все это наплевать. Дорогой престижный дом, статусная мебель, но все захламлено. Как будто хозяин знал, как надо, но у него не было ресурсов это делать. Или желания. Или это перестало его волновать. Значит, что-то стало более важным, затмив элементарные требования гигиены в собственном жилище. Но что?

Налицо обсессивно-компульсивное расстройство. Человек в таком состоянии не видит бардака, не голоден и не общителен. Он пребывает в своем собственном, единоличном аду.

Максимов идет в спальню. Здесь бросается в глаза разделение вещей в общем пространстве. Крайне любопытны мелочи: чья кружка стоит отдельно? Где чье полотенце? Какого оно цвета и как висит? Визуальные маркеры повсюду. Жена хозяина дома пропала два года назад. Почему любящий муж убрал с полок в дальний шкаф ее вещи? Где ее любимые платья на вешалках? Где шкатулка с бижутерией? А ведь ее здесь не ждали! В углу старинный инкрустированный кристаллами столик. На нем – прожжённая сигаретой дешевая скатерть, которую не выбросили. А вот это уже очевидная терпимость к насилию или дефицит контроля у одного из партнеров.

Максимов делает пометки в блокноте. Проводит пальцами по спинке кровати. Там тоже пыль. Максимов воспомина-

ет, что под фотографией Кристины на каминной полке не было следов долгого пребывания. И пыли на ней тоже не было. Она вообще резко выделялась на фоне нагромождённого. Значит, кто-то заботливо поставил ее туда совсем недавно. В супружеской спальне нет ни одной фотографии жены. Нет совместных фото, свадебных. Значит, вряд ли на камин ее поставил Арут. Тогда кто? Может, убийца? Тогда для чего он это сделал?

Закончив осмотр и выйдя из дома, Максимов впервые за долгое время услышал долгожданный звонок. На вызов от Лены стояла ее любимая песня «Прекрасное далёко». Поэтому Максимов каждый раз безошибочно определял абонента.

– Здравствуй, Леночка.

– Привет, – немного грустным голосом произнесла дочь.
– Как дела?

– Пока не знаю, не понимаю. Анализирую. Черников пытается слепить два одинаковых убийства в серию. Многое пока зыбко и беспочвенно. Что ты думаешь по этому поводу?

– Зачем ты украл портрет этой девушки с камина? – строго спросила Лена.

Максимов достал его из портфеля. Рассмотрел.

– Нужно узнать, что она за человек, где родилась и где росла. Что у нее там было с матерью? Во-первых, интересно, как девушка из другого сословия попала в эту семью. И во-вторых, куда она пропала? Если Черников прав, и это серия, может, она тоже жертва, и ее еще просто не нашли. А если

появление ее портрета на камине – это напоминание хозяину дома?

– А почему? – тем же тоном спросила дочь. – Почему она тебя заинтересовала? Ее детство?

– Детство всегда важно в определении поведения взрослого человека. В моей практике было много тяжелых случаев. Я слушал крики избитых жен, угрозы параноиков и тихий бред шизофреников. Но есть голос, который снится мне до сих пор. Голос того, который убил тридцать четыре человека, но при этом был сама вежливость. Его звали Сергей, а в прессе ему дали прозвище «Корректор», потому что он «исправлял ошибки» взрослых людей.

Помню, как впервые отправился к нему на беседу. Я думал, что увижу монстра. Но в комнату для свиданий вошел мужчина лет сорока, гладко выбритый, в чистом свитере. Он сел напротив и спросил:

— Вам не холодно? Здесь всегда включают кондиционер на полную мощность. Беречь психиатров надо.

Это была его первая шутка. И последняя.

Я начал интервью с главного – его мотива. Маньяки обычно говорят о голосах, о травмах, об эротических фантазиях. Сергей молчал минуту, а потом спросил:

— Вы читали Библию, доктор? Там есть одна возмутительная строчка. «Почитай отца твоего и мать твою». Даже не «люби», а «почитай». Даже если они выродки? Даже

если они льют на тебя кипяток за то, что ты не так понял просьбы? Мой папочка был удивительной сукой. Однажды мы лепили пельмени, и ему не понравилось, как я заворачиваю маленькими пальчиками «медвежье ушко». Он ударил меня ногой в живот. А потом подскочил и начал пинать. Долго. Потом я записался в библиотеку, и когда толстая и теплая женщина с толстыми пальцами спросила, о чем бы я хотел почитать, я сказал, что хочу книгу про маэстро Джованни Баттиста Бугатти, палача, который за 65 лет работы казнил 516 человек. Толстая дама перекрестилась и выгнала меня. Но мечта уподобиться этому знаменитому мастеру укоренилась тогда в моей детской душе навсегда.

Его детство не было адом в прямом смысле — там не было подвалов и цепей. Его ад был бытовым. Отец-алкоголик, который считал сына конкурентом. Мать, которая работала в две смены и методично уничтожала в сыне волю словом «нельзя». Сергей не просил игрушек. Он просил тишины. Но получал ремнем по почкам, потому что «старшего надо уважать».

— Знаете, в чем парадокс? — сказал мне Сергей, когда мы уже устали от пустой болтовни. — Я начал убивать не тогда, когда меня избивали или делали больно. Я начал убивать тогда, когда понял, что они никогда не ответят за свои грехи перед детьми. Закон не наказывает мать, которая истерикой разрушила психику сына. Закон наказывает только того, кто берет в руки нож.

И он взял нож. Но не против родителей. С ними он говорил спокойно до самой их старости. Он решил, что мир болен. Что тысячи людей проходят мимо и делают вид, что ребёнок в синяках — это нормально. Его жертвами становились те, кто, по его мнению, «устраивали детство» — другие родители, поднимавшие руку на детей в общественных местах, учителя с садистскими наклонностями, тренеры-тираны. Лапающие потными руками учениц престарелые преподаватели.

— Я делал мир чище, — рассказывал он с абсолютно ясными глазами. — Я искал отцов, которые кричали на трехлетних пацанов в парке. Я находил матерей, которые шлепали дочерей за плохие оценки. Убивал их не в гневе. Спокойно. Потом просил прощения у их детей и уходил.

Он перекрутил заповедь «возлюби» в свою страшную формулу: «Ненависть к тем, кто избил тебя в детстве — это единственная честная заповедь».

Для Сергея это было не безумием. Это была математика. Если отец причинил боль, он должен умереть. Но настоящий отец стал слишком скучным объектом. Сергей расширил понятие. «Отец» — это любой взрослый, использующий силу против слабого.

Когда я спросил его о тридцати четырех трупах, он поправил меня:

— Доктор, это не трупы. Это исправленные ошибки. Каждый из них умер с мыслью: «Почему мой ребенок плачет?»

До меня они об этом не думали. Ни разу.

Самый жуткий момент нашего общения произошел в конце. Я попытался надавить на его христианское воспитание, прочитал ту самую заповедь полностью. Он тихо засмеялся.

— «Дабы продлились дни твои на земле». Мои дни сократятся, доктор. Пожизненное меня доконает. А вот их дни... — он постучал пальцем по столу, где лежали папки с фотографиями жертв. — Их дни продлились ровно настолько, насколько долго они били своих детей. Я лишь провел черту.

Я сидел напротив человека, который не чувствовал вины. Он считал, что выполнил работу по уборке. Его мотивация была чудовищно проста: «Не бей того, кто меньше тебя. Если бьешь — будь готов встретиться со мной».

Я, доктор Максимов, видевший человеческое дно насквозь, тогда впервые замер. Потому что в его логике не было дыр. В ней была черная, притягательная простота, от которой рождаются монстры. Он возненавидел отца и мать — и распространил эту ненависть на всех, кто посмел занять их место в чужих судьбах. Поэтому детство — это важно.

Лена учтиво хмыкнула в ответ:

— Ее детство, папочка, и детство того парня, что лежит в окровавленной белой рубашке, безусловно имеет для тебя большую важность. Но мне кажется, что полковник пригласил тебя не для того, чтобы ты, папочка, копался в песочнице.

– Конечно, ты права. В первую очередь как профессионал я должен собрать все увиденное в единую картину преступления. Далее создать образ преступника.

– Ну и что у тебя с образом, папочка?

Максимов улыбнулся. Он любил этот чуть хамоватый тон Лены. Так она подстегивала его к действию. Максимов откашлялся и ответил:

– Что мы имеем? С точки зрения профайлера множественные ножевые ранения — это маркер не рационального убийства, а эмоционального срыва. Один-два удара говорят о цели устранить помеху, а десятки ударов — о глубоких внутренних конфликтах убийцы. Вот основные психологические причины, Леночка: во-первых, это выплеск ярости и бессилия. Нож — это оружие ближнего боя. Убийца испытывал сильнейший, давно накопившийся гнев. Он не просто убивает, он наказывает жертву за что-то, символически замещая её настоящим обидчиком — например, мать или начальником. И в этом направлении мы тоже должны смотреть и думать.

Во-вторых, подобный способ неустанно колоть ножом — это гиперконтроль над жертвой. Каждый дополнительный удар — это попытка гарантировать абсолютное подчинение. Убийца как бы аннигилирует личность жертвы, доказывая себе, что она не живая субстанция, не человек, не душа, а объект. Впрочем, не следует забывать: чем более незначительным был предлог, например, отказ, тем больше ударов

— так подавляется собственное чувство ничтожности.

В-третьих, это аффект и заикленный автоматизм. В состоянии диссоциации мозг перестает анализировать. Убийца входит в «красный туман», где действие отделяется от осознания. Он может наносить удары даже после смерти жертвы, не замечая этого.

Ну и желание вызвать реакцию. Убийца хочет увидеть страх или услышать крики, но если жертва быстро теряет сознание, он продолжает удары, пытаясь достучаться до эмоций. Это делает убийство не просто лишением жизни, а садистским действием.

Мелочи в нанесении ударов ножом тоже важны. Если убийца нанёс много ударов в лицо или голову — это гнев к конкретной личности. Если удары хаотичны по всему телу — это, скорее всего, разрядка общего напряжения и незрелость психики. Если все удары в грудь или шею — возможно, элемент ритуала или попытка остановить свою психическую боль, перекрыв орган, символизирующий душу или дыхание.

Поэтому в расследовании это сразу сужает круг подозреваемых: почерк почти исключает киллеров, охотников за органами или убийц с психотическим бредом. Это признак эмоционально нестабильного, часто зависимого и социально неадаптированного человека, который обычно знал жертву. В нашем случае – жертв. А значит, это либо хороший знакомый семьи Арутюнян. Либо...

– Родственник, – подсказала Лена.

– В пользу этого утверждения кричит в этом доме все: стальные двери, в которые кто-то вошел без труда. Сложный кодовый замок открыт так же. В такой дом чужому сложно войти. Тот, кто пришел сюда с ножом, пришел не для того, чтобы обокрасть, он пришел мстить. Именно поэтому сперва мы ищем двух самых близких убитому женщин. Амалию Арутюнян – его мать, и Кристину Арутюнян – его жену.

– Хорошо, папочка. Ты у меня самый крутой.

Лена отключилась. Максимов убрал телефон в карман брюк.

На крыльцо вышел Черников и, расстегнув пиджак, сощурил глаза от яркого солнца.

– Ненавижу жару, – сказал он и как бы невзначай добавил: – Амалию Арутюновну Арутюнян нашли. Только что пришел ответ на мой утренний запрос. На прошлой неделе сын ее похоронил. Она на кладбище, Коля. Минус один подозреваемый.

– Причина смерти ясна? – спросил Максимов.

Черников достал телефон и порылся в недавно полученных файлах. Тяжело вздохнул.

– Передозировка инсулином. Она поехала по путевке отдыхать в Светлогорск. Там ее нашли в соляной комнате.

– Где-где?

Черников пожал плечами.

– Есть такие искусственные комнаты, стилизованные под

пещеры для желающих оздоровления. Стены делаются из соляных кирпичиков с подсветкой. Устанавливаются лежаки или шезлонги. Старушечки туда укладываются после сауны и дышат солью. Говорят, что способствует.

Черников задумался и замолчал.

– Чему? – задал вопрос психолог.

– Чего? – потеряв нить, переспросил полковник.

– Я спрашиваю, чему способствует?

– Хрен его знает, – резко ответил Черников.

– Она болела диабетом?

– Я запрошу по ней всю информацию, в том числе историю болезни в местной поликлинике. Или где там у них богатенькие лечатся. А почему ты спрашиваешь?

– Просто если она болела диабетом первого типа и сидела на инсулине, вряд ли она осуществила передозировку. Как правило, диабетички очень серьезно относятся к расчету точной дозы и соответствующему питанию. Это не шутки.

– Ты думаешь, ее тоже? Тогда почему не закололи ножом?

– Мне нужен детальный отчет патологоанатома. И еще...

– Что еще?

– Я предполагаю, что Кристина – первая жертва или одна из первых. Ранее она якобы пропала без вести. Ты должен по своему ведомству сделать официальный запрос. Кто подавал заявление о ее пропаже, при каких обстоятельствах это обнаружили. Кто осуществлял розыск, если, конечно, этим кто-то занимался. Вообще все, что касается Кристины Ар-

утюнян. Кстати, еще мне нужна ее девичья фамилия и максимальная информация о ее юности, детстве.

– Все? – устало спросил Черников, собираясь ретироваться.

– Амалия умерла от передоза инсулином в Светлогорске. На стене в холле этого дома висит картина принцессы. Припоминаю, что она связана с Калининградом.

– И что?

– Светлогорск — это Калининградская область. Не думаю, что это совпадение. Между жертвами в Омске и Краснодаре много общего, ты прав. Но пока сложно утверждать об идентичности. Нужен протокол патологоанатомов о характере ножевых. Нужна детализация дружбы между этими мужчинами: чем занимались, где подружились, что общего. Нужно...

– Я понял. Через два часа жду отчет о том, что ты тут наработал с рекомендациями и психологическим портретом, – отрубил Черников и ушел.

Максимов прикрыл веки, спасая глаза от палящего солнца, и прошептал:

– Нужно найти эту Кристину.

Поезд «Санкт Петербург – Хелюля». Август 2026-го года.

Люба открыла телефон, нашла сохраненное видео от популярного тревел-блогера и, воткнув наушники, включила. На экране появилась приятная блондинка. Она шла по улочкам провинциального городка и рассказывала:

– Привет, друзья! Сегодня я хочу поделиться с вами своими впечатлениями о Сортавале – городе, который поразил меня своей красотой и атмосферой.

Я приехала сюда, чтобы отдохнуть от городской суеты и насладиться природой. И не прогадала! Городок расположен на берегу Ладожского озера, и виды здесь просто завораживают. Я гуляла по набережной, любовалась закатом и чувствовала, как напряжение уходит. Не забывайте, что мой канал называется «Тревэл Лайт», и если вам понравилось мое видео, переходите на мой канал, ставьте лайки и подписывайтесь...

Люба поставила видео на паузу и снова погрузилась в воспоминания.

Киселёвск. Октябрь 2001-го года.

Люба родилась на стыке веков в 2001-м году в маленьком городке под названием Киселёвск. Именно здесь папа встретил мать. Люба никогда не произносила слово «мама» при ней. Мать! Всегда только так. Она и сама говорила: «Я мать».

Отцу было 24. Он бесцельно шатался по городу и, остановившись на безлюдном перекрестке, решил, что вот сейчас перейдет улицу и забредет в случайный дворик. Там наверняка будет расти коренастый раскидистый клен. Дерево будет швыряться вертолетиками и шевелить корнями от негодования. Под его кроной найдется облезлая чугунная лавочка, на которой он обязательно встретит свою будущую жену. Она будет молчалива и воздушна, посмотрит на него сквозь низкую листву, ловя на его лице солнечные блики. Он молча подойдет к ней и подаст руку. Она будет божественно прекрасна.

Все так и случилось. Отец, изредка позволяя себе несколько стопок после тяжелой смены, часто рассказывал дочери эту историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.